



Сборник рассказов
современных писателей

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

**Улана Зорина
Лёля Фольшина
Таня Стар
Оксана Есипова
Сергей Валерьевич Мельников
Галина Вайпер
Лами Данибур
Дин Спейс
Элеонора Гранде
Татьяна Рубцова**

**Родственные души.
Сборник рассказов
современных писателей**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69934231

SelfPub; 2023

Аннотация

Перед вами сборник рассказов современных авторов ЛитРес Самиздат. Писатели собрали истории о животных. Это рассказы пропитаны любовью к ним. В рассказах встречается

художественный вымысел и используются собирательные образы. «Желаем получить массу приятных и разнообразных впечатлений! Мы старались для вас», – коллектив писателей. Обложка была создана при использовании ИИ – генерация по тексту и с использованием приложения для телефона – Dream и Adobe Photoshop.

Содержание

Вступление	6
Шар Иваныч	10
Умная Машка	21
Муравьиное солнышко	27
Наш последний день	34
Остров зверей	59
Майка	96
Наша корова	108
Котик по кличке Котик	119
Мурка	132
Мартышка и бобёр	146
Посвящается первому из рода котов...	149
Говорят, под Новый год...	161
Счастье на кончике хвоста	175
Коротко о творчестве авторов:	185
Лами Данибур	185
Сергей Валерьевич Мельников	188
Татьяна Рубцова	191
Галина Вайпер	194
Лёля Фольшина	197
Таня Стар	200
Улана Зорина	204
Элеонора Гранде	207

Дин Спейс
Оксана Есипова

211

214

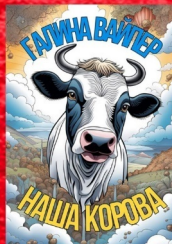
**Таня Стар, Татьяна
Рубцова, Галина Вайпер,
Лами Данибур, Лёля
Фольшина, Сергей
Мельников, Улана Зорина,
Оксана Есипова, Элеонора
Гранде, Дин Спейс
Родственные души.
Сборник рассказов
современных писателей**

Вступление

Перед вами сборник авторов ЛитРес Самиздат. Писатели собрали истории о животных. Это рассказы пропитаны любовью к ним. В рассказах встречается художественный вымысел и используются собирательные образы.

«Желаем получить массу приятных и разнообразных впечатлений! Мы старались для вас», – коллектив писателей.

Итак, читатель – в путь!



Шар Иванныч

Лами Данибур

Шар Иванныч



Лами Данибур

Обложка была создана при использовании ИИ Dream и Adobe Photoshop.

– Всё, стая, отлаялся! Носом чую, сдохну к утру! – беспородный пёс свернулся калачиком, поджав хвост. – Следуйте теперь за Психом, с ним не соскучишься!

– Подожди, друг! Может, отлежишься ещё? Сколько раз смотрел смерти в глаза?

– Много. Этот последний. Шкурой клянусь! Не унюхал отравы – получи пену у рта. Силы не те, что в первые вёсны.

– Дедушка Цыган, а кто ж нас учить будет?

– Да никто! Живите сами! Вот сейчас всё выдам как на духу, а дальше свобода выбора. Ведь меня ж никто не учил, кроме жизни, вот и тёрлись друг о дружку девять зим.

– Целых девять? Тут одну зиму пережить – уже учёный, а девять – вожак!

– Мы тебя не забудем! И кутятам твои истории пригодятся.

– Я и сам когда-то был кутёнком.

– Цыган, расскажи! Расскажи, как ты смог прожить так долго на воле и не умереть от голода и тоски.

– Я ж почти породистый! Мать лайка, отец дворянин, так люди говорили. Родился в подвале на мокром бетоне. Мамка сбежала от хозяев, чтобы выводок не утопили. А потом вернулась к своим, а нас оставила. Братьев-сестёр люди раста-

щили, а я не приглянулся. Кормить кормили, а к себе не брали. Протянут руки, я улыбнусь в ответ, а они давай пятиться.

Электрик в аварию провода чинил да пил со слесарями. А они ему:

– Возьми щенка! Один остался. У тебя семья, дом... Будет сторожить.

Вот он после пятой рюмки и поднял меня на руки. Гладил по голове. Я уж тогда подластился в ответ. А утром погрузили его и меня в машину и отвезли домой. Гляжу дикарём по сторонам, а небо-то голубое, солнце яркое. Надо же!

Вот калитку он открыл, до крыльца дошёл, да и упал поленом храпеть на всю улицу, а я под крыльцом схоронился. Прижух и сижу, в щёлку за солнышком наблюдаю.

К вечеру жена с работы пришла. Разбудила кормильца, отравила досыпать в дом.

Я вылез, улыбнулся, а её передёрнуло, пришлось обратно под крыльцо.

Проспался хозяин, ругались, ругались, жена ему:

– Уматывай! И блохастого забирай!

А мужик вдруг:

– Где моя собака? Пусть живёт, дом охраняет!

– Иди погляди, как этот уродец зубы скалит. Всех распугал!

Полез под крыльцо, увидел меня, почесал затылок:

– Что ж его – выкидывать теперь? Пусть себе улыбается.

Живи, Шарик! Живи!

Так и пригрелся я. Подрос. Попривыкли домашние. Будочка от прежней Жучки мне отошла. Кормёжка стабильная. Цепь прочная. Живи – не хочу!

Зажрался! Недоеденный суп стал в землю зарывать про запас, а кости в будке ныкать под настил.

Первую свою зиму отсидел. Холодно, скучно! С мышами да крысами сдружился.

А весной запахи. Хоть волком вой, как на волю хочется! За забором собаки лают, а я как дурень в будке. В одну такую ночь не вытерпел, стащил с себя ошейник (оказалось, шея-то моя тонкая, просто шерсти валом) да и побежал прочь прямиком на собачью свадьбу. Эх, хорошо! Воля! А сучка какая знатная была! Так бы и занюхал! Месяц гулял. Жрать охота, а гулять ещё больше. Тут-там перебыюсь и дальше бегать.

Дочка хозяйская Настька мимо проходила, меня узнала. Говорит:

– Шарик, ты? Живой, зубоскал! А мы собрались овчарку покупать.

Сказала, да и пошла прочь. А мне обидно стало.

«Какую овчарку? – думаю. – Да ещё и в будку мою! Не позволю!»

Разлаялся я тогда на всю улицу:

– Я здесь хозяин! Я! Никаких овчарок!

Злой был в тот день, поцапался с друзьями, да к вечеру домой прибёг. Залез в будку, как и был там, сижу, – жду!

Наташка-жена утром вышла во двор и обомлела.

– Вот он я! – сижу, улыбаюсь. – Ждали? Рады небось? –

Гавкнул ей приветственно.

– Сашк! Гляди-ка! Шарик вернулся. Сам в будку залез. Вот хитрый пёс.

– О, Шар Иваныч! Какими судьбами? Нагулялся?

– Пап, а овчарка?

– Что ж, его выгонять теперь? Пусть живёт!

Неделю продержался, страсть как боялся овчарки этой. А потом накрыло. Лето же. Жизнь вокруг! Вот и повадился. Уйду – приду. Всё чаще и чаще.

Уговорили дети отца. Купил он им овчарку. А меня обозвал гулякой, да и отдал знакомому на особое предприятие, которое за лесом следило. На работу, в общем, приняли. Сторожем главным стал. Территория в собственность и молсы кучкой зубы точить – благодать! Сколотил тогда свою первую банду. Вот псы были... Побегали мы в тот год... И в питомнике, и с дедом Гошей транспорт охраняли. Город, как свои четыре лапы, знал. Правила дорожного движения изучил. Без этого никак, цуцики, не проживёшь среди людей. Не знаешь правил – ждёт тебя собачья смерть! Так что учите.

– Хорошо, дедушка, хорошо! А потом, что было?

А потом весна. Влюбился, как щенок! Работу бросил. Ушёл в загул. Уволили. И связи потерял. Попередохли те псы... кто от голода, кто в собачью рулетку проиграл, кого бойцовские порвали. Полаять не с кем! Сел тогда на электричку, прикинулся, что бабкин пёс, да и подался в город к

помойкам пошире.

– Как на электричку? Сам? И не выгнали?

– Так уметь надо! Я сначала повадился на автобусах кататься. Пристроюсь к кому-нибудь на остановке, вместе с ним зайду, сяду в углу, чтоб не мешаться, а когда кондукторша вопрошать начнёт, мол, чья собака, улыбнусь ей, посмотрю в глаза, и обходит она меня стороной, пугается. Если баба буйная и шуметь станет, сойду на ближайшей остановке, да и по делам бежать.

В большом городе не сразу приняли, но, опять же, присмотрелся, притёрся, нашёл себе место. Работёнку на рынке заимел, всё чин чинарём. На пустыре шишку держал, все шавки с поджатыми хвостами обходили мои владения. Расслабился... силу свою почувал, вот и полетело всё к чертям собачьим!

– Это как?

– Да вот так! Забыл, что в городе люди – боги, а не собаки!

Как-то раз бегу с друзьями, глядь, дети по нашему пустырю на великах катаются. Вот думаю, лысые шкуры! Без спроса да по моему излюбленному месту колесить. Порву!

Схватил за штанину самого маленького, тот упал на землю, да погрызли мы ему бока, пока мужики нас палками не отделали. Пришлось когти рвать. Больше часу петлял. Думал, пронесло... Ан, нет! Дураков учить надо!

– Научили?

– Научили, Жук, научили... Потравили нас, а кто вы-

жил, – в живодёрню эту, как её? Ветеринарку. Ухо прокололи, повесили серьгу и на передержку.

Я там с Рыжей познакомился. Сука моя самая любимая. Ох, и дура была!

Отсидел своё. Как отпустили, подальше убёг в спальный район, и Рыжая со мной. Сначала с бабками пытался сдружиться. Тяжело давалось. Боялись они меня. А вот Рыжая умела в глаза заглянуть так, чтобы достать до дна. Ходили побирались.

Бабки нас цыганами и прозвали. Хорошо было с Рыжей моей. Весело! Котов наглых рвали, да в собачью рулетку каждый день играли. Любили под колёса выбегать и лаять, пугая водителей. Слаженно получалось.

А сдохла по глупости. Дорогу-то она переходить умела, а во дворах забывалась и носилась, как угорелая, вот и попала под колёса. Хорошо сразу отошла, даже заскулить не успела... Я психанул, гонялся как ошалелый, на людей кидался, опять в приют загремел, повезло, хоть не пристрелили. Там в соседней клетке щенок-сосунок сидел. Как на меня похож! Опекал его:

– Не бойсь, Лайчонок. Не пропадёшь! Жизнь только начинается.

А он смотрит глазками-бусинками и зубами стучит.

Бывало, человеки приезжали. По кругу ходят, в клетки заглядывают, ищут. Мимо меня, конечно... кому нужен старый зубоскал? А вот однажды тётка с красным хохолком уви-

дела маленького Гавкалку и:

– Ох, Мишаня, гляди-ка, наш! Забираем!

– Ну, – думаю, – в ошейнике родился. Повезло! Будет в квартирах корма жевать да на газоны мочиться.

Эта тётка с хозяйкой приюта снюхалась, частенько навещала. Чё-та вечно там привозила-отвозила. Вот я и разнюхал, где обитает мой дружок. Через год повадился к ним во двор приходиться и умирающим прикидываться. Весь квадрат меня кормил. И эта с хохолком тоже. Важная такая! Както раз вывела Гавкалку, и закрыла его на детской площадке под замок. Кинула ему туда мячик, – пушай развлекается.

Глянул я на него – дело дрянь! Кобель здоровый вымахал, а яиц-то нет.

Тётка бабкам жалится:

– Мой Тайсочка неделю назад не то что-то скушал, облевался. Пришлось к ветеринару вести. Теперь вот уколы ему колем для профилактики. А ещё мы третью прививку сделали, и таблетку за тыщу рублей ему купила. Съест раз в год, – и все блохи, глисты сразу сдохнут, и ни один клещ не прилипится.

«Ой, – думаю, – беда! Что тут скажешь? Люди! Никаких мозгов у них не разумеется. Что за собака без блох? Загубили пса! На корню загубили.»

Убёг я подальше, чтобы не видеть, как малец мой не живёт, а мается.

Никак им не понять, что собака у человека свободу кра-

дёт, а человек у собаки волю. И попадают оба в рабство. Пси-не расплата – вечная верность, а человеку – украденное время. Оба друг дружку выпьют и останутся ни с чем.

– Как это, дедушка Цыган? Разве найти себе хозяина – не счастье для собаки?

– Да какое ж это счастье?.. Самообман!

Помнится, в одну зиму загрузил чавой-то. Будку вспомнил, Сашку-электрика. Детей евоных, что в дом меня мальцом таскали на диванах тиливизеры смотреть. А зима в тот год холодная, ох, какая жгучая! Аж жалко себя стало. Всё, думаю, остепениться пора. Хозяин мне нужен. Пушай заботится!

И жизнь исполнила желание! Попался я одной такой в сезон разбитой любви. Грустила по кому-то. Что она во мне нашла? Говорит, на Барона её похож из детства, который от чумки издох.

Притащила меня в дом и давай уваживать. Мыть, сушить, блох долой, ошейник кожаный: всё, как у породистых! Утром-вечером – стул по расписанию. Днём кукуй, жди её с работы. Потом ублажай: сидеть, лежать, лапу. Старался я, и она старалась оскала моего не пугаться. Подруги-други звали в гости, – нельзя! Барон один дома. Ей бы жить и жить, а она не может! Расписание не позволяет. Ведь у неё две заботы: коробочка да я.

– Какая, дед, коробочка?

– Да, телефон – эбонитовый друг. Люди смотрят в него

днём и ночью, как замороженные, теряют себя. Вот и я для неё вроде той коробочки стал.

Дни напролёт маялась, проваливаясь то в телефон, то в обязанности накормить, вычесать, выгулять.

– Ну, думаю! Спасать девку надо! Воруем время друг у друга, а жизнь-то мимо... Хорошая была страдальца, заботливая страсть какая! Не мог я и дальше использовать её, да и убёг, куда ветер понёс.

Вот с тех пор я и один.

– Ты не один, Цыган! Ты с нами...

– С вами, с вами... Эх, братва! Счастливый я пёс! Ни о чём не жалею...

А тебе, Жук, так скажу:

– Беги, куда тянет. Не бойся жизни! Не прячься от неё.

Знаете, что, ребята? Не хочу я подыхать, маясь животно. Негоже это! Пойду-ка поиграю с костлявой в последний раз... Бывайте!..

Вылез Цыган из теплотрассы и поплёлся к ближайшему шоссе.

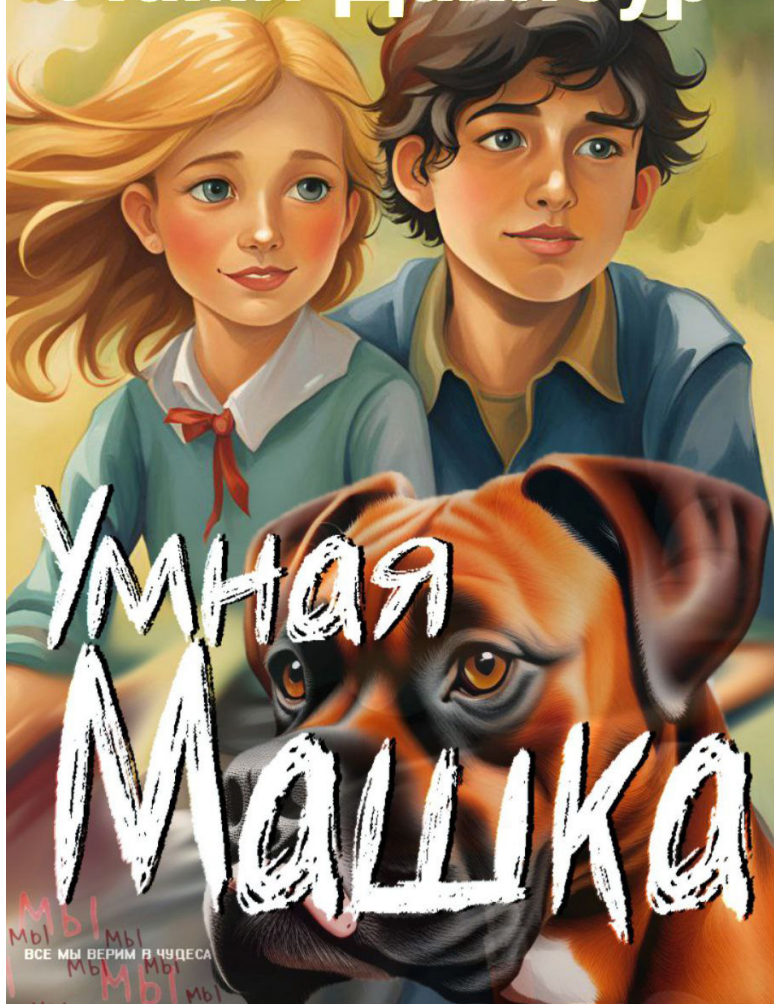
Ночь. Луна. Иней на деревьях блестит. Зрачки сверкают. Тело дрожит. Полон страха и благоговения. Вот на холме показались яркие огни смерти. Собрал пёс остаток сил и пустился навстречу. Слепила смерть фарами, размозжила колесом, и «покатились глаза собачьи золотыми звёздами в снег...».¹

¹ Цитата из стихотворения С.А. Есенина «Песнь о собаке», 1915.

Умная Машка

Лами Данибур

Лами Данибур



УМНАЯ
МАШКА

МЫ! МЫ
ВСЕ МЫ ВЕРИМ В ЧУДЕСА
МЫ! МЫ
МЫ! МЫ

Обложка была создана при использовании ИИ Dream и Adobe Photoshop.

– Эй, пионеры... тили-тили тесто! Идите чай пить. Самса готова... – тётя Зина вышла во двор и громко позвала нас:

– Бегом, пока всё горячее!

– Сейчас, мам! Дина, ко мне!..

Мускулистая широкотелая собака породы боксёр чуть не сбила Кольку с ног, а потом прыгнула в мои объятия.

– Фу, Дина, я весь мокрый от твоих слюней!

– Дин, всё! Хватит скакать!

Мы оба возмутились, отряхиваясь.

У неё были купированы и уши, и хвост, но мощный зад, как мог, компенсировал – плясал от радости то влево, то вправо, а то взлетал и падал, и когти вонзались в землю, поднимая клубы пыли. Дина прыгала на нас, поочерёдно лобызая. Слюни летели в разные стороны.

Но мы смирились. На это весёлое, бойкое и совершенно неугомонное существо невозможно было смотреть без умиления и любви. Руки так и тянулись потискать, помять, погладить, посмотреть в её преданные глаза. И так втроём мы добежали до самого дома. Тётя Зина в цветастом переднике уже накрыла на стол и как раз разливала чай по пиалушкам.

– Динка, на место! – прикрикнула она, и собака мгновенно подчинилась. – Мойте руки!

Запах свежееиспечённой самсы вызвал бурный аппетит. Мы с Колькой молча уминали.

– Набегались?.. Проголодались?

– Угу... Ой, как вкусно!

– Жуйте-жуйте! С утра гоняете. У Динки вон язык на плечо, умаялась.

При упоминании слова «Динка», рыжая боксёрша вскочила, как будто на ринге ударили в гонг, тут же подбежала к Кольке, и её зад опять заштормило.

– Иди-иди на место! Дай им спокойно поесть.

– Тётъ Зин, нам задали сочинение про любимое домашнее животное, – тут же вспомнила я, – напишу про Читку. Колька, наверное, если бы в моём классе учился, рассказал про Динку?

– Нет, я попросил бы тебя навывдумывать про Динку вместо меня.

– Это точно! – мы рассмеялись.

И действительно. Колька и сочинение – два совершенно несовместимых слова.

– Мам, а у тебя в детстве была собака?

– Собака?.. во дворе... в будке жили наши жучки.

– Жучки? Их так звали?

– Да нет, клички их не помню. Мы раньше особо не привязывались к животным.

– Почему? – спросила я с полным ртом.

– Да самим есть было нечего. И работы разной полно. Вре-

мя другое было.

– Другое? И что, совсем-совсем никогда не заводили? Ни хомяков, ни рыбок?

– Ой, нет! Даже на ум не приходило. Не принято было. Разве что Машка...

– Какая Машка?.. Кошка?

– Нет! Один раз мы с сестрой украли поросёнка. Маленький такой, розовый... И в дом принесли.

– Как украли?.. Где?..

– Да с мясокомбината утащили... он случайно за забор вылез. В общем, спасли. Выкормили. Умная такая оказалась. Машкой назвали. Соображала лучше всякой собаки. Чистоплотная. Не то что наша Динка!

Я и Колька раскрыли рты.

– ...вот это ничего себе! Ты мне не говорила.

– Да забыла про эту историю совсем. Вот только сейчас вспомнила. Она нам с тетью Верой, как родная была, хоть папа и ругался сначала. Но потом, её все в доме полюбили! Уж до того понятливая. И команды знала...

– Ух-ты! И что?.. Что с ней стало?

– А сколько лет она у вас прожила?

– Пока не выросла.

– А потом?

Тётя Зина молчала. Казалось, она собиралась с духом: сказать – не сказать?

– Свинья – не собака! Да и голод был.

– И что? – мы с Колькой насторожились, предчувствуя беду.

– Отец решил: надо!.. зарезали – и съели...

– Как?..

У нас всё внутри опустилось после таких слов.

– Большую часть продали, конечно. Остальное съели. Но я так и не смогла, – отказалась. Сидела и рыдала. Это же наша, – любимая Машка! Такая умница!

Все стихли. Аппетит куда-то исчез. Мы поблагодарили тётю Зину за самсу и вышли из дома. Минут пять молча слонялись по двору, до того сильно нас потрянула эта история. Потом Колька сказал:

– Слушай! Я знаю, где мясокомбинат, он совсем недалеко. Давай туда доедем, дождёмся, когда стемнеет, и тоже украдём поросёнка. Хоть одного, – защитим.

– Точно! Только хотела об этом сказать. Поехали!

И мы, довольные, помчались спасать несчастных поросят. Я уже представляла себе картину, что возьмём двоих – таких красивых и незащищённых, чтобы у каждого – был свой, и будем заботиться, пока они не вырастут и не превратятся в огромных умных свиней.

И мы полетели на велике навстречу ветру. Я держалась за Кольку крепко, чтобы не свалиться на кочках, и чувствовала себя могучей спасительницей всех угнетённых и слабых...

Муравьиное солнышко

Улана Зорина

Улана Зорина



Муравьиное
СОЛНЫШКО

Обложка создана из фото из личного архива.

Вы когда-нибудь находили в земле монетки? Вот и наша маленькая героиня стала обладательницей такого внезапного клада. А что из этого вышло, вы узнаете прямо сейчас.

Глава 1

Жила-была в одной станице девочка Аня. Очень она любила всё яркое и блестящее. Однажды, гуляя в своём дворе, Аня увидела под деревом большущий муравейник. На самой верхушке нелепого нагромождения мелких сучьев и листиков что-то ярко сияло. Аня очень боялась муравьишек, но любопытство всё же взяло верх. Осторожно ступая на цыпочках, чтобы не растревожить жильцов, девочка подошла ближе. Наклонившись, она с удивлением ахнула. На самой вершине муравейника, словно на пьедестале, из кусочка коры возвышалось невероятное сокровище, – сверкающая в лучах летнего солнца монетка.

Не задумываясь ни на минуту, Аня схватила сокровище и, затаив дыхание, зажала его в кулачке. Глаза девочки загорелись жадным огнём, а на пухлых щеках расцвели алые маки.

День промчался незаметно и очень весело. Подолгу девочка разглядывала неожиданную находку, гладила пальчиком по золотистой поверхности, восхищённым взглядом ловила слепящие лучи. Вечером же, когда уставшая, но довольная Аня наконец-то уgomонилась в своей уютной кровати,

ке, тревожные лапы ночного кошмара приняли детскую душу в свои ледяные объятия.

Глава 2

Снится ей, что блуждает она по бесконечному тёмному коридору. Ледяной ветер ерошит ей волосы, забирается под рубашку студёными пальцами, гоняет по коже стайки колючих мурашек. Анюта зябко поводит плечами, ей страшно и холодно. Влажные стены из серого камня сурово нависают над девочкой, давят со всех сторон тяжёлым мрачным превосходством. Аня проводит по ним ладошкой и в ужасе отстраняется. Шершавый камень неприветливо царапает кожу ледяными иголками. Девочка морщится и вытирает ладонь о подол отсыревшей рубахи. Прислушивается. Сквозь вату в ушах она явственно различает жалобные голоса.

Коридор внезапно заканчивается, стены расступаются, и девочка оказывается в огромном зале. И тут, точно обухом по голове, на неё обрушивается многоголосый гвалт.

Отовсюду слышится плач и рыдания. Эхом проносятся они по широкому залу. Пинг-понговым шариком отскакивают от прочных, словно камень, стен.

Сотни маленьких существ в смятении мечутся в темноте, неловко сталкиваясь друг с другом.

Внезапно оказавшись в самом центре безумной сумятицы, поражённая девочка испуганно застывает. Ей хочется закричать, но паника тисками сдавливает горло. Хочется кинуться прочь, но ноги, словно выросли в рыхлый пол. Сердце

истеричным воробушком колотится в рёбра, молотом отдаётся в ушах, а в расширенных глазах Ани отражается высокий пустой постамент.

– Горе нам! Кто-то похитил наше солнышко! Теперь мы все замёрзнем! – наконец различает она сквозь стенания и, обхватив свои плечики тонкими ручками, падает на колени.

Накативший грозной волной, страх медленно отступает. От жалости к несчастным, скорченным существам Аня судорожно всхлипывает, а на глаза наворачиваются едкие слёзы. И в унисон тысячам воплей, поддавшись влиянию толпы, она и сама начинает реветь.

– Горе нам...

– Ох, горе! – шевелятся её губы. Аня порывисто прячет в ладошках лицо и тут...

Понимание тёплым крылом накрывает сознание девочки. Затылок ерошат щекочущей паутинкой мурашки, зрачки её расширяются, Аня вскрикивает и просыпается.

Глава 3

Растирая по щекам всё ещё текущие слёзы, она, соскользнув с кровати, кинулась к одежде. Там, в самой глубине кармашка и притаилась злополучная находка, – та самая, которая так чудесно сверкала в солнечных лучах, отражая глянцевой гладью радость своей, внезапно явившейся, хозяйки.

Торопливо накинув рубашку на мятую маечку, тихонечко, будто мышка, стараясь не разбудить маму, Аня выбежала во двор. Щурясь от раннего солнышка и ёжась от утренней

свежести, она опрометью кинулась к муравейнику. Собирая на голые ноги прозрачный жемчуг росы, она забавно морщила нос, но, сжав зубы, упрямо шагала вперед.

А вот и он, – серый и мрачный. Опустевшее возвышение на комковатой вершине сразу же бросилось Ане в глаза. Сиротливое и покинутое, оно укоризненной вешкой выглядывало из-под влажных зелёных листочков.

Аня замешкалась, но лишь для того, чтобы в последний раз полюбоваться сиянием чужого сокровища, а затем аккуратно положила монетку на прежнее место.

И тут же мириады лучей заискрились, отражаясь от золотёного лика. Закружили и засверкали игривыми зайчиками, заставляя Анюту зажмуриться.

Когда же она вновь открыла глаза, то задохнулась от восхищения. Это уже не было тем странным нагромождением мусора и мелких сучков, которое предстало перед ищущим взглядом минуту назад. Теперь это был восхитительный величественный замок, детали которого так живо нарисовало себе детское воображение.

С лёгкой грустинкой смотрела Аня на то, как просыпается муравейник, как крошечные козявочки выползают из своих зыбких башенок и собираются шевелящейся массой вокруг золотистого чуда.

В душе Ани бушевала буря эмоций. Печаль расставания с красивой безделицей сменилась на чувство торжественной причастности к чему-то волшебному. Уголки губ девочки

робко дрогнули, поползли вверх.

Так, мечтательно улыбаясь, она и вернулась в кровать.

Вставать было всё ещё рано, и, закутав в одеяло мокрые от росы ноги, Анята снова уснула.

Эпилог

На этот раз она не блуждала по сумрачным коридорам мрачного подземелья, а раскрыв в удивлении рот, ступала по мраморным залам волшебного замка, – к самому центру. Туда, где на сверкающем пьедестале из горного хрусталя возвышалось Оно...

Повсюду сновали юркие фигурки и звучал жизнерадостный смех.

Беззаботные и счастливые муравьишки взяли девочку за руки, чтобы радостно закружить в хороводе вокруг прекрасного и сияющего Муравьиного Солнышка.


(Основано на реальных событиях)

Наш последний день

Сергей Валерьевич Мельников

С. МЕЛЬНИКОВ

НАШ
ПОСЛЕДНИЙ
ДЕНЬ

An aerial, top-down view of a car driving on a narrow, snow-covered road at night. The car's headlights and interior lights are visible, illuminating the path ahead. The road is flanked by snow-covered ground and dark, bare trees. The overall atmosphere is dark and somber, with a blue and white color palette.

:04Обложка сгенерирована на премиум-аккаунте нейросети midjourney через бот @RegensonBot

Переписка в телеграмм чате:

[20:31] Сергей Мельников

Привет, видел?

Уже несколько дней в небе кружат четыре самолёта управления коммуникациями при ядерной войне...

[20:32] Пётр Директор

Неудобно читать, за рулём

Да, в курсе

Забей

И че

[20:34] Сергей Мельников

Да, ничё. Так, скоро ядерная война начнётся

[20:35] Пётр Директор

100%

Я тебе позвоню, не мороси. До метро успеете добежать...

[20:37] Сергей Мельников

Тебя Байден предупредит?

[20:39] Пётр Директор

Есть кому. Добавь меня в не беспокоить

[20:41] Сергей Мельников

Не хочу в метро. Возьмём кота, сядем в машину и рванём на выезд из города. Сколько успеем, столько проедем

[20:42] Пётр Директор

С дуба рухнул? До МКАДа не доедешь. Перебирайтесь за город, тогда будет шанс

От толчка в плечо телефон чуть не выскользнул из руки. Надо мной нависла дородная дама с багровым лицом.

– Да дай же ты пройти! Встал на проходе! – выпалила она.

По тону могло показаться, что это не первая её попытка протиснуться мимо меня к кассе. К огромной груди она нежно, как младенца, прижимала десяток сахарных пакетов, затянутый в плёнку. Что в профиль, что в анфас места в проходе было ей мало, и я поспешил убраться с её дороги. В зале за её спиной стоял жуткий гам. Толпа, толкаясь локтями, раздирала такие же упаковки.

– Куры! – сплюнул стоящий рядом ханурик и нырнул в алкогольный отдел.

Я кинул в корзину несколько банок рыбных и мясных консервов, набросал хлебцов. Уткнувшись в угол с наборами для барбекю, набрал жену:

– Солнышко, я в магазине, домой что-нибудь надо?

– Ничего не надо. Стой! Чай возьми себе, закончился. Что там за крики?

– Зомби-апокалипсис. Восставшие бабки терзают труп сахарной промышленности.

– Ясно. Я тоже уже скоро буду. Целую, люблю. Коту дашь?

– Конечно дам, мне жизнь дорогá... Я тоже тебя люблю.

– Знаешь, какое самое популярное мужское сообщение? –

спросила она и я услышал, как она улыбается.

– Удиви меня.

– «Я тебя тоже...»

– Мы не любим лишних слов. Всё, иду на кассу. Поверь, это будет непросто.

Я отбился и посмотрел на сахарную битву. Чай был где-то там, за самой гущей боя. Подступы к кассам тоже были перекрыты женщинами с одинаковыми пакетами в руках. Меня заметила знакомый кассир и показала глазами на алкогольный отдел. Я подхватил две пятилитровые баклажки с водой и прошмыгнул туда.

– Тяжёлый день? – спросил я, выкладывая покупки на ленту дополнительной кассы.

Она сокрушённо покачала головой:

– Конец света! Сахара на складе полно. Четвёртый раз сегодня привозят. Эти ждут под магазином. Разгрузить едва успеваем, у грузчиков выдирают из рук.

– Ввели бы ограничение. Больше двух в одни руки не давать.

Она молча ткнула большим пальцем за спину. Там висел распечатанный листок с надписью: «Сахар отпускается не более двух килограмм в одни руки».

– Везде висят, кто их читает? Им всё равно. Целый день дежурят, одни и те же. Берут, опять встают в очередь, и так пока не закончится. Тогда ждут следующую машину. Как зомби на карусели.

Картинка мне понравилась. Я вспомнил даму, которая чуть не растоптала меня в проходе.

– Я одну видел с целой упаковкой.

Лариса покосилась на проход в соседний зал и дёрнула плечами:

– Не всем можно отказать. Вам, кстати, сахар не нужен? Мы одну упаковку для себя отложили, пачку могу продать.

Я вызвал в памяти содержимое шкафчика и отказался:

– Нет, есть ещё дома, спасибо.

– Как знаете, одна тысяча пятьсот четыре с вас. Товары по акции?

Я улыбнулся:

– Скорейшего отдыха от этого дурдома.

В этот момент за стеной раздался истошный вопль:

– Ты мне лишнюю пачку пробил! Понаехали тут, жульё!
Я тебя в фэ-мэ-эс сдам!

– На опыты! – хохотнул пьяный мужской голос, и сразу очередь за стеной взорвалась яростными криками. Что-то забубнил, оправдываясь, продавец. Из подсобки выбежал директор магазина и кинулся на помощь.

Я сочувственно покачал головой и выбрался на свежий воздух, – на тротуар, усыпанный мусором, на краю нечищенной дороги. За последние тревожные месяцы многие променяли столицу на бедные, но спокойные уголки. За углом сгрузил консервы и хлебцы в багажник машины, там уже лежали: пакет кошачьего корма, быстрорастворимая лапша,

макароны. Домой пошёл с пустыми руками, чтобы не беспокоить жену.

*

Переписка с директором не шла из головы. Я рассеянно смотрел на экран телевизора. Тёплое дыхание жены щекотало мне шею. В ногах тихо сопел кот. За стеной тянула грустную мелодию свирель соседа. Мой уютный маленький мирок, в который я так спешил каждый вечер после работы и из которого я так неохотно уезжал по утрам, – прочный и надёжный, как стенка мыльного пузыря.

– Солнышко, – тихо позвал я и горло перехватило. Слова не хотели выходить наружу. Я собрался и спросил спокойно, как мог: – Чисто теоретически. Вот если война... ядерная. Что лучше: годами прятаться в бомбоубежище или... чтоб сразу и всё? – сказал, как окно распахнул в морозную зиму.

Лена отстранилась и подозрительно посмотрела на меня:

– Почему ты спрашиваешь?

– Есть задумка книги, – соврал я, – про ядерный апокалипсис. Обдумываю мотивацию героев.

Она снова уместилась на моём плече:

– Лучше во сне, чтобы не успеть ничего понять.

Через минуту она спала, а я не мог. Тихонько поцеловав любимую макушку, я высвободил руку.

Лена пробормотала:

– Спокойной ночи, солнышко! – и перевернулась на другой бок.

Тихонько выскользнув из-под одеяла, я вышел на кухню. Впервые, за два года как бросил, мне нестерпимо захотелось курить. Телефон чирикнул новым сообщением в телегу.

[22:31] Пётр Директор

Приезжайте к нам на дачу, от Москвы далеко. Побухаем

[22:32] Сергей Мельников

Хреновая идея, наши друг друга терпеть не могут

Пётр Директор, [22:32]

Да и хрен с ними. Малы́е будут рады. Бери Ленку и приезжайте. Я тебе серьёзно говорю. Тут безопаснее

[22:33] Сергей Мельников

А кот я куда дену? Не... как будет – так будет

[22:35] Пётр Директор

Ля ты крыса. Ну и сиди в своей Москве, пока всё не накроется

[22:36] Сергей Мельников

Спокойной ночи, завязывай бухать

[22:36] Пётр Директор

:-S

У меня появилась странная уверенность, что этой ночью всё кончится: напряжение последних дней, тревога, страх, привычная жизнь – всё испарится к чертям. Я поймал себя на мысли, что почти жду этого, как ждёт осуждённый на смерть окончательной определённости. Нестерпимо захотелось посадить Ленку и кота в машину и рвануть на восток, подальше от Москвы. Я сделал шаг к спальне и остановил-

ся. Здравый смысл сказал: тебе утром на работу, а это всё – глупая рефлексия из-за новостной ленты. Надо просто её не читать.

Я скользнул под одеяло и почти сразу уснул, а потом зазвонил телефон.

Пётр, весёлый и пьяный, крикнул в трубку:

– Началось! Валите в метро, ещё успеете! – и, кажется, горячий ветер пошевелил мои волосы, на фоне канючили дочери, хлопали дверцы шкафов под подрагивающий и злой голос его жены.

– Удачи! – выдавил я, но он уже отбился.

*

Лена сидела в кровати, испуганно моргая глазами. Я потряс её за плечи, она зажмурилась и обиженно всхлипнула:

– Ну ты же...

А я поднял её подбородок и отдельно сказал:

– Ядерная война... лови Беню!

Она с недоверием и ужасом посмотрела на меня.

– Не шучу – ответил я на незаданный вопрос. – Бегом! – И кинулся набивать сумку. Схватил камеру и ноутбук.

На балконе злобно зашипел кот.

– Беня, зараза! Я не могу его в переноску запихнуть! – я увидел её бледное лицо за кухонным окном и бросился на помощь.

Резко рванув фрамугу, я с треском выломал дохлый шпингалет и схватил за шкуру Беню. Говорят, коты в такой

хватке успокаиваются, но у нас неправильный кот. Он извивался и орал, дотянулся когтями до моей щеки, и пришла моя очередь вопить от боли и обиды: «...я спасаю эту шкуру, а он ещё и драться?!» Не думая о боли, а только о хрупких кошачьих косточках, я прижал его к груди.

Лена застыла на тёмной лоджии с пустым взглядом в никуда, а я в толстом пуховике, с вырывающимся котом, сумкой, сумкой, ещё одной сумкой в крошечной шестиметровой кухне, где и без вещей не провернуться. Время текло горячим гудроном. Мы увязли в нём – три безмозглые мухи, а где-то в разреженном воздухе стратосферы мчались к Москве ракеты с ядерными боеголовками. И тогда я заорал:

– Бежим! – и дёрнул полку с мытой посудой. Под звон бьющихся тарелок Лена подняла на меня глаза и наконец осознала, – всё!..

Я вылетел в прихожую, распахнул ногой дверь, которую мы опять забыли запереть на ночь. Лена на ходу натянула пальто и сгребла в охапку всё, что было на вешалке. Я спросил:

– Зачем?

Она ответила:

– Тёплые вещи лишними не будут!

А я тут же споткнулся о порог своей хромой ногой и полетел в дверь квартиры напротив, а кот, оттолкнувшись всеми лапами, – в другую сторону. Он попытался прошмыгнуть назад, – домой, но Лена со скоростью автомата сбросила бал-

ласт, кроме одного пальто, и молниеносным движением запеленала в него Беню. Он, наконец, перестал вырываться, только вертел рыжей мордой и тарашил глаза.

– Это зачем? – спросила Лена, показывая глазами на камеру.

– Жалко, – смутившись, ответил я.

Она посмотрела на меня, как на дурака, но ничего не сказала. Мы промчались по коридору, между двумя рядами мирно спящих квартир, Лена распахнула железную дверь на лестницу, и я подумал: «Какого чёрта?!», и заорал:

– Ядерная война! Спасайтесь! – и побежал за ней вниз, с шестого на первый, хватаясь за перила, чтоб не улететь за сумками в стену на поворотах. Наверху захлопали двери. Может, у кого-то будет больше времени – это всё, что я мог сделать для моих безымянных соседей.

Пока мчались к машине, Лена обзванивала родных. Просто бросала в трубку:

– Ядерная война, некогда объяснять, прячьтесь! – отбивалась и вызывала следующий номер.

Я схватил её за запястье и задал самый важный вопрос:

– Едем из Москвы сколько успеем... или, как крысы, будем годами прятаться в вонючем подzemелье?

Я бессовестно жульничал и манипулировал, но мне до смерти не хотелось в метро. Лена посмотрела на меня, и её красивые серые глаза наполнились слезами:

Она сдавленно сказала:

– Из Москвы... – и плотину прорвало.

Я выжал газ, вылетел на пустую Краснобогатырскую, мимо Пентагона налево, к Преображенке. На совершенно пустой площади впервые нарушил правила, вывернул с заносом и сразу на Большую Черкизовскую. Там камера, но какая теперь разница?

Я поверил своему директору сразу и безоговорочно, сам не знаю почему. Что-то висело в воздухе уже не первый день. Как тревожные чёрные точки на краю зрения. Скосишь глаз – они скачком в сторону. Их видишь, а разглядеть не можешь, но они есть, и от этого мороз по коже.

Мы летели по Большой Черкизовской в сторону Щёлковского шоссе. В голове дурацкая мысль, что стоит нам только выскочить за пределы МКАДа, – и мы спасены, будто МКАД не дорога, а крепостная стена, которая сможет удержать все ужасы ядерного взрыва в своих пределах. Москву жалко. За прошедшие восемь лет я полюбил этот сумасшедший город. Людей жалко. Нас жалко. Всех жалко. Жалкая человеческая натура. Жалкое человечество, не заработавшее право на жизнь.

А тем, кто сам добровольно падает в ад,

Добрые ангелы не причинят

Никакого вреда

Никогда...

Под «Агату Кристи» я набрал сестру:

– Привет, сестричка! – и сразу услышал её сонный голос:

– Эмм привет. Ты знаешь, сколько сейчас времени?

Меня кольнула совесть, но вдруг успеет, вдруг после моего звонка она сможет спастись?

– Некогда, Уль, ядерная война... Беги!

– Ты что там куришь?

– Я серьёзно. Просто поверь.

Она замолчала, потом тихо сказала:

– Бежать?... С моими коленями?..

Она повредила ноги в горах и пока ещё ездила в коляске.

– Спустись в подвал. Ты на Фиоленте.

– Да. Лучше б ты не звонил...

– Прости, я не смог бы.

– Нет тут подвала, это скворечник для туристов, переделанный из гаража. Ты не сердись. Спасибо, что позвонил, я бы тоже не удержалась. Открою вино... целую, братик, берегите себя!

Я шмыгнул носом, и Лена сжала моё колено.

– Целую, сестричка. Может вас не тронут.

– Севастополь? Базу флота? Шутишь? Ладно... слышу ты за рулём... не отвлекайся. Лене привет! – и отбилась.

Зря я позвонил. Начинать ядерную войну в четыре утра – это высшее проявление просвещённого гуманизма. Большинство даже не успеет проснуться.

Взвилась сирена впереди, где стадион «Локомотив». Сра-

зу завыла ещё одна, за спиной со стороны НИИДАРа. В пред-
рассветных сумерках начали загораться окна в домах. Вой
не стихал.

Мы мчались по пустой широкой улице, а от высоток у до-
роги люди бежали к машинам. У пересечения с северо-во-
сточной хордой я посмотрел налево. Через автостоянку к
метро спешили люди: кто-то с сумками, кто-то с пустыми
руками. Полицейские подтаскивали барьеры к застеклённо-
му вестибюлю. Их жизнь продолжится, наша – не знаю. Я
тронул жену за руку:

– Впереди съезд. Если хочешь, можем спуститься в метро.

Она нерешительно мотнула головой:

– Нет. Хорошо едем.

Я прибавил скорость.

*

До рассвета оставалось два часа, когда потухли фонари.
Они гасли секция за секцией и одновременно темнели дома
по обе стороны дороги.

Я гнал так быстро, как мог гнать не слишком опытный во-
дитель, по не расчищенной от ночного снегопада трассе. Ма-
шину нервно водило. В жалкой попытке удержать контроль
я стиснул руль. Правый отбойник, заштрихованный встреч-
ным снегом, то удалялся, то загибался мне наперерез, и я
осторожно, по градусу, сдерживая панику, выравнивал ма-
шину. На пустой трассе я мог бы спокойно ехать посередине,
но глупая привычка заставляла держаться в полосе.

Касание отбойника на такой дороге, на такой скорости, – смертельно опасно. А как замедлиться, когда прямо на нас сейчас летят ракеты и каждую секунду они становятся на шесть километров ближе? Дикая гонка с неизвестными временными рамками. Главный приз – жизнь, но это не точно. Поэтому не снимаю ногу с педали и молюсь Форду всеблагому, чтобы не оставил, потому что не верю ни в бога, ни в чёрта. Машина пока не подводит, мчится в темноте, в вое сирен, на восток, так быстро, как может. Нет, так быстро, как могу я.

– Светомаскировка – говорит Лена негромко.

Стрелка спидометра перевалила за сто двадцать, рёв моего маломощного движка без труда пробивает шумку.

– Что? – переспрашиваю я. – Не понял.

– Светомаскировка, – Лена повышает голос. – Помнишь, в детстве в Севастополе? Когда ревели сирены, родители завешивали окна одеялами, и мы сидели при свечах. Даже телевизор нельзя было включать.

Я рассмеялся:

– Конечно, помню. У нас во дворе говорили, что тем, кто нарушит режим светомаскировки, солдаты стреляют в окно из автоматов. Только сейчас какой в ней смысл? Ракете плевать, есть свет или нету.

Странно, я улыбался широко и всерьёз, из груди рвался нервный смех больше похожий на истерику. Наверное, нервная система пошла в разнос. Я уже был готов к любому исхо-

ду, лишь бы поскорее, но рядом сидела жена. Лена смотрела строго вперёд, на бесконечный поток мелкого сухого снега, ослепительно белого в свете фар. Почувствовав мой взгляд, она повернулась ко мне. Глаза блестели от слёз.

– Прости, ты же знаешь, что я рёва.

А я серьёзно ответил:

– Я знаю, что нет.

Правой рукой она держала за холку Беню. Он тревожно мяукал с того момента, как машина разогналась до ста. Прижав уши, он смотрел в лобовое стекло расширенными от ужаса глазами, но вырваться не пытался.

Такое уже было, когда мы переезжали на Преображенку из Южного Бутово. Кот взбесился, скакал по машине, отстреливая клочья шерсти, разодрал мою любимую футболку, а она не заживёт, как царапины на теле. Не знаю, как мы тогда не разбились все вместе. А если бы мы остались на старой квартире? Рванули б на юг, были б уже далеко от Москвы. Вот тебе дивное преимущество жизни в замкадье, которое не приходит в голову риелторам и подумал: «Когда начнётся ядерная война, вам будет гораздо проще спастись, чем жителям каких-нибудь Патриков. Подумайте, как они будут вам завидовать». Какая чушь лезет в голову, спасительная чушь, чтобы не сойти с ума.

В зеркале заднего вида загорелись белые пятна. Нас нагоняли машины. Первым пролетел мимо чёрный «гелик», ослепил дальним светом в зеркала. Сейчас всем на всех пле-

вать, важно только своё: ты сам и те, кто с тобой. Он обогнал резко, рывком, чуть не зацепив бортом переднее крыло. За ним ещё несколько машин, все мощные, для каждой я всё равно что стою. Кто-то, проезжая, посигналил и подхватили остальные. Не беженцы от ядерного взрыва, а свадебный кортеж. Я тоже нажал сигнал. Мне вдруг очень захотелось стать частью этой кавалькады, но даже если я вдавлю газ до пола, мне за ними не угнаться.

Лена стукнула меня кулаком в плечо:

– Зачем?

– Да не знаю, какая уже разница?

Вырвал бы болтливый свой язык, зачем напоминать? Может, ничего ещё не будет. Может, это учения? И только я подумал, что паранойю, впереди, где потухли красные огни внедорожников, рванули вверх ярко-белые штрихи. Они бесшумно уходили в небо, перечёркивая последнюю надежду.

– Что это?

– Противоракеты, – ответил я. Врать смысла не было.

– Значит, точно?

– Теперь точно. Ничего. Самые мощные системы ПВО и ПРО вокруг столицы. Считай, над нами непроницаемый купол.

– Ну да, и поэтому мы сейчас мчимся непонятно куда на бешеной скорости перепуганные и с котом. Мы с трассы не слетим?

Я не ответил. Это было бы слишком злой шуткой.

Трасса больше не была пустой. Одна за другой нас обгоняли машины с более мощными двигателями. Они пролетали в рёве своих многолитровых моторов, подтверждая максимуму: «Мощность – это безопасность». Я попробовал добавить газу, и вождение стало неуверенным. Я понял, что малейшая оплошность, и нам конец без всяких ядерных бомбардировок.

Слева на обгон пошла фура. Её носило по дороге, она то удалялась от меня, то приближалась, чуть не касаясь бортом. Во время такого сближения мне пришлось уйти вправо, и я чуть не чиркнул отбойник. Чтобы отцепиться, мне пришлось скинуть скорость. Фура по чуть-чуть пошла вперёд, но её все больше вело вправо, – в мою полосу, а сзади подпёрла другая машина, слепя дальним светом. Правила остались в прошлом. Мысли о тех, кто вокруг, – тоже. Каждый спасал свою шкуру и свои родные шкуры, до чужих им дела не было. Впереди показался съезд на МКАД, меня выдавливали туда, и я в бешенстве заорал:

– Бухой, что ли, сука?!

Вжимая педаль в пол, я рычал громче мотора. Машина подумала полсекунды и рванула вперёд. Я пролетел между кабиной фуры и отбойником, чиркнув по нему бортом, Меня бросило влево, к моему счастью, грузовик тоже повело от меня, и сомнений в том, что водитель пьян, уже не осталось. Я готов был праздновать освобождение, когда слева по-

слышался нарастающий рёв мотора, и страшный удар сотряс корпус машины.

Я крутил руль, жал тормоз, но машина стала неуправляемой. В свете фар мелькнул голубой огонёк в латинской «Джи», машина подлетела и рухнула. Что-то врезалось в пол так, что загудели ноги. С безумным воем Беня вывернулся из рук жены. На её расцарапанной щеке выступила кровь. Кот забился куда-то за нашими сиденьями и испуганно мяукал.

– Кажется, приехали, – Лена с трудом разжала пальцы, вцепившиеся в ручку двери и полезла за влажными салфетками.

Лобовое стекло запорошило. Включились дворники, со скрипом сметая серый снег. Совсем рядом и выше, на Щёлковском шоссе, на боку лежала проклятая фура. Она перегородила трассу почти на всю ширину, и машины неслись, сигналив и огибая её по встречке. Ну, что ж. Я хотел выбраться за МКАД – я выбрался, желание исполнено. Ночной полёт закончен, форд дальше не поедет. Во всей Москве не найдётся эвакуатора, который меня отсюда вытащит.

Я с трудом открыл дверь, пришлось навалиться плечом, чтобы сдвинуть спрессовавшийся снег. Морозный воздух, пропитанный выхлопными газами, ворвался в тёплый салон.

– Не хочешь размяться? – спросил я. Лена подняла воротник пальто и спрятала нос.

– Нет. Дверь закрой, дует.

Я обошёл машину. Форд брюхом сидел на бетонном во-

достое, переднее левое колесо глубоко вбилося в арку, из снега вокруг торчали отлетевшие части обвеса.

Конечная. По шоссе с рёвом мчались машины. В небо впереди с шипением ушла новая партия противоракет. Передо мной торчали из снежных заносов колонки, за ними, – за хрупким стеклом, – тёмный магазин и моя чёрная тень на его полках, а за ним, – впереди, справа и слева за трассой, – пустая заснеженная равнина. Я поискал в себе страх и не нашёл.

Может, любопытная душа ненадолго выбралась посмотреть, как я тут, но мне ярко представилось маленькое чёрное пятнышко, отбросившее длинную тень, посреди двух светящихся полос; синюю равнину, крест-накрест перехваченную дорогами; огромный чёрный город и ослепительно яркий шар, который возник из ничего, опалил светом зеркальные стены Москва-сити и сразу угас.

Кто я? Крошечный муравей на толстой шкуре Земли, неуязвимый в своей незначительности. Брось его с высоты в тысячу муравьиных ростов и ничего с ним не случится, – побежит дальше по своим делам. Так и мы: ударит волна в спину и унесёт нас далеко от Москвы, а там мы встанем и пойдём. Главное не потерять друг друга.

Я обернулся к машине. В освещённом салоне Лена рассматривала потолок, натянув ворот пальто на подбородок, и я точно знал из-за чего трясутся её плечи. Бегом, пока не поздно, я бросился к машине. С полными ботинками снега

нырнул в салон, с трудом, преодолевая сопротивление, потянул к себе её лицо. Она обмякла и уткнулась мне в шею, стало горячо и мокро.

– Ну перестань, – шептал я под её всхлипывания. – Всё хорошо же.

– Что хорошо?

– На работу не надо, кредит отдавать не надо, и за квартиру хозяйке не заплатим.

– У неё депозит, – Лена прижалась ещё сильнее, а я отстранился. Улыбаясь, поймал солёные губы. Она посмотрела на меня с удивлением и закрыла глаза.

Марк Олмонд затянул свою приторную «A lover spurned». Я потянулся к кнопке пропустить трек и передумал. Песня про всеразрушающую не рассуждающую обиду – не самая худшая музыка для конца привычного мира.

– Бенька – прошептала Лена.

– Что Бенька?

– Он просто кот, он ни в чём не виноват.

– Давай отпустим. Вдруг забьётся в какую-нибудь дыру и выживет.

Я обернулся. Наш кот лежал на заднем сидении, закрыв нос лапой. Уши поджаты, глаза косят на нас или в лобовое стекло, не разберёшь. Перегнувшись, я распахнул дверь.

– Захочет – убежит.

Беня выскочил из машины сразу. Возник перед капотом, жмурясь в лучах света. Прижав уши, пузом по снегу метнул-

ся куда-то в сторону трассы и исчез в дренажной трубе. Я хлопнул ладонью по лбу и полез наружу.

– Ты куда?

– Сейчас!

Я распахнул багажник, вытащил пятилитровку воды и мешок с кошачьим кормом и поймал испуганный взгляд жены.

– Бенька домашний, помрёт без нас с голоду, – я подмигнул ей и поскакал к трубе, утопая в снегу, по мелким кошачьим следам. Пакет с кормом надорвал посередине и засунул в темноту, свернул пробку с баклажки и сунул её на бок туда же. Это всё, что мог для него сделать. Мне захотелось ещё раз увидеть его наглую рыжую морду, но внутри была крошечная тьма, даже глаза не светились.

Я вспомнил, как мы брали его на руки и подносили к люстре, где висели большой золотистый ключ и такая же сова. Сузившимися до тонких щёлочек зрачками янтарных глаз, он смотрел на игрушки и бил по ним мягкими лапами, а сова и ключ качались, но не падали. Это был, наверное, единственный способ подержать на руках нашего необщительного кота.

Пока не засвербело в носу, я нырнул в машину, и Лена обняла меня за шею:

– Не уходи больше, пожалуйста.

– Не уйду, – ответил я, собирая её слёзы. – Больше никогда не уйду.

По трассе с рёвом неслись машины, но ни одна из них не

остановилась бы нас подобрать. На востоке штрихи расчёркивали небо, кажется, уже без перерывов. Я снова поймал мягкие губы жены. Она запрокинула голову, обхватила руками мою шею, запустила пальцы в волосы на затылке, а я сжал её так крепко, как мог, до стона и хруста в рёбрах. Никогда я не любил её сильнее, чем в этот момент.

За нашими спинами разгорелась заря. Заря на западе? Сегодня – запросто. Краем глаза я увидел чёрную тень вверху на обочине. Толстый мужик, пошатываясь, смотрел на запад, на покинутую Москву. Наверное, водитель фуры, из-за которой мы лежим в кювете закрытой автозаправки, но у меня не было сил и времени его ненавидеть.

Слабые отблески появились на его лице, полы распахнутого пуховика шевельнул ветер. В лучах нового, западного солнца, ослепительно яркого, без единого пятнышка, он стремительно обрёл и потерял объём, полностью залитый светом. Мне не хотелось тратить на него последние мгновения.

Заря разгоралась, сияние становилась все ярче, оно проникало через закрытые веки, ласковым теплом касалось кожи, оно было всё ближе и горячее. Сквозь закрытые глаза я смотрел на лицо своей жены, чёткое и яркое, без теней и полутонов – таким оно останется навсегда. Потом её черты растаяли в ослепительной, самой чистой и честной белизне. Всё случилось, как должно и иначе не могло быть. Мы – не крысы.

*

Темно и жарко, где-то равномерно и уныло хлопает под порывами ветра железо. Бэнн-бэнн-бэнн. Резкий запах гари. Рыжий кот с подпалёнными усами высунул мордочку из отнорка: слева совсем темно, справа в туннель проникает слабый свет.

Ползком на брюхе, на полусогнутых лапах он прокрался к светлому пятну, обогнул спёкшийся пакет с кормом. Выход засыпало землёй, остался всего маленький промежуток у верхнего края. Кот заработал лапами. Дёргаясь и мяукая то ли от страха, то ли от боли, он протиснулся в дыру.

Коту неуютно. Он привык к дому, к тёплому ограниченному пространству с потолком над головой. К людям, которые насыпают ему еду. Иногда тот, кто кормит брал его на руки, чего он на самом деле не любил, и поднимал к огонькам наверху, под потолок, а он пытался сбить висящие игрушки под глупое сюсюканье. Игрушки качались, но не падали, как он ни старался.

Сейчас кормить некому, потолка нет, небо – далёкое и тяжёлое, прижало к земле. Слева, чуть дальше кот увидел строение с пустыми проёмами, усыпанными стеклом и мусором. Перед ним высокая железная башня, сваренная из арматуры, её обняла крышей сгоревшая машина. Кот по широкой дуге прошмыгнул мимо и втиснулся в дыру под завалом. Над головой появилась крыша, стало легче.

В этот момент посыпалась щёбёнка, кто-то чертыхнулся.

На кота упала тень. Он прижал уши, не зная: бежать или остаться. Внутрь прыгнул человек. Лицо плотно замотано тряпкой. Разочарованным взглядом человек обвёл заваленное обломками помещение, и тут заметил кота.

– Киса. – раздался звонкий девичий голос – ты как здесь оказалась? Какая хорошенькая!

Девушка села на корточки и осторожно протянула руку. Кот прижал уши, но с места не сдвинулся: он очень хотел пить и есть, а люди кормят и поят. Девушка провела рукой по шерстке. Кот раздражённо дёрнул спиной.

– У ты какая, с характером, – улыбнулась она. – Пить хочешь?

Достала бутылочку с мордашкой "hello, kitty", налила в пробку воды. Когда пробка опустела, налила ещё. В кошачьем брюхе громко заиграли свирели. Девушка рассмеялась:

– Ты голодная. Пошли поищем, сзади подсобка, может там что-то осталось.

Она подхватила кота на руки:

– Ага, ты у нас не киса, а кот. Буду звать тебя Рыжик. Не против? А я Аня. Я тут работала. Раньше, до этого всего...

Кот не возражал, у него не было имени. Девушка с Рыжиком на руках выбралась из полуразрушенного магазина заправки. Сильный ветер гнал тучи на запад.

Остров зверей

Татьяна Рубцова

Рубцова Татьяна



Остров зверей

Для обложки использован фрагмент картины художника Саида Исханова.

*Если в сказке победило зло,
можно считать эту сказку былью.(с)*

Это был необычный остров. Его населяли звери. Остров находился в умеренных широтах, поэтому и животных там подобрали таких, чья область обитания проходила именно в этой климатической зоне. Там жили несколько семейств зубров, косуль, маралов, кабанов, лосей, рысей, медведей и волков. И более мелкие: лисы, зайцы-русаки, хорьки, ласки, бобры, ондатры вели свою жизнь в норках, строили плотины и копошились по своим мелким делам. Много было птиц. Каждый занимал определённую нишу, своё место в лесу и в небольшой долине, которую и называли Долиной волков.

Тут же, недалеко от берега, был построен небольшой дом.

Да – это был заповедник, но заповедник необычный. Два десятилетия работали генные инженеры, выводя новый вид. И им это удалось. Волки, рыси, лисы и медведи питались только овощами и лишь изредка – рыбой, живущей в реке, берущей начало в лесу и впадающей в неширокий пролив.

Служители жили в небольшом домике. У них было несколько крупных собак, в основном те, которые прибились к порту, и были забраны с улицы и привезены на остров. Собаки были все стерилизованные и плотоядные, им дава-

ли сухой корм. Ещё на острове, у домика прижился молодой домашний кабанчик, которого недавно кастрировали, чтобы не допустить его случки с дикими свиньями. После этого кабанчик страшно растолстел, разленился, всё время валялся возле крыльца и что-нибудь жевал. Собаки не обращали на него внимания, а люди только смеялись над ним, проходя мимо и бросая остатки бутербродов. Боров смешно гримасничал и подбирал кусочки, урча и хрюкая. Собаки даже не пытались отбирать у него еду, брезгливо обходя стороной.

Волки жили рядом, они тоже приходили к дому, грелись на солнышке. С собаками не общались. Со служителями были доброжелательны. Догар, вожак стаи, очень крупный серый волк даже подходил к старшему егерю и дружелюбно тёрся о его ногу большой лобастой головой с маленькими акkuratными ушами.

Старший егерь долго гладил его, чесал за ушами, с силой трепал по бокам и при этом смеялся, что делает зверю массаж.

Догар в ответ легонько сжимал жилистую человеческую руку своими мощными клыками, пожёвывал и довольно урчал. Они дружили и были счастливы находиться друг рядом с другом.

– Всё, брат, иди, мне нужно ехать, – егерь гладил и чесал его большую морду, обнимал и прижимал к себе.

Волк урчал довольно. Это походило больше на хрип, он рождался глубоко в груди и выходил из жаркой пасти ласко-

выми мягкими звуками.

– Догар, Догар, хороший, – егерь последний раз потрепал его, достал из кармана карамельку, очистил от бумажки и протянул на ладони волку.

Тот деликатно захватил лакомство языком, потом, слегка повернув голову на бок, зубами сжал конфету и побежал к группе волков, которые лежали на утрамбованной земле. Два серых щенка подбежали к нему, и волк, разгрызая конфету на две части, бросил им. Щенки схватили лакомство и бросились в разные стороны. Догар лёг рядом с тремя самцами, почти такими же крупными, как он сам.

– Ты становишься похожим на собаку, – сказал ему старый рыжий волк с совершенно седой мордой. Его звали Ихван, что значило – брат. И был он честный и справедливый. – Уже и руки лижешь человеку, дожил. Хвостом только начни вилять – совсем похожим на пса станешь.

Догар только ухмыльнулся во всю пасть.

– Нет, не такие были наши предки. Жили они не так и у них была другая пища.

Третий волк, по имени Аргно, чёрный, как смоль, поднял голову и взглянул в сторону борова, валяющегося в луже возле крыльца.

– Вон она, наша пища, – с насмешкой в голосе сказал он. Голос у него был очень приятный, мягкий, взгляд – немного высокомерный.

Волки уважали его, к его суждениям прислушивались. А

волчицы наблюдали за ним, и каждая готова была пойти по первому его зову. Но не каждая могла родить. За этим следили люди. Многие волчицы носили на животе специфические рубцы после операции и это было их клеймо, их позор. Отбраковка в экспериментальном заповеднике шла самая жёсткая.

Волки подняли головы, и все вместе посмотрели на свина, перепачканного грязью.

Тот почувствовал это, занервничал, хрюкнул и повернулся. Чёрный красавец Аргно обнажил дюймовые белые клыки и лязгнул. Свин подпрыгнул в своей луже, а волки дружно расхохотались.

– Но мы едим клубни. Здесь в нашей долине. Ходим на охоту за клубнями. За ботву несём нашу добычу нашим жёнам, матерям наших детей.

– Не у всех – дети, – мрачно сказал Ихван, чью волчицу стерилизовали уже несколько лет назад.

– Всё ворчишь, брат, – сказал ему ещё один рыжий волк, Шейхи. – А мы здоровы. Правда, шерсть стала ломкой и тусклой, но в лапах по-прежнему много силы.

– Да, шерсть, это только начало. И клыки наши скоро будут вываливаться, потому что они давно не разгрызали костей.

– Я никогда их не пробовал, – вздохнул Шейхи. – А, интересно, они вкусные?

– Вкуснее турнепса.

Тут волки увидели выходящих из домика людей. Их было трое. Все держали в руках дорожные сумки или рюкзаки. В этот день уезжали они все.

– У них праздник, – проворчал Ихван, утыкаясь мордой в лапы.

А Догар сорвался с места и бросился к уходившим. Собаки, провожавшие хозяев, при виде его, отскочили в стороны, но даже не заворчали. А Догар, сзади наскочив на старшего егеря, легонько ударил его в спину передними лапами. Мужчина покачнулся, переступил и оглянулся.

– Чтоб тебя! Догар, разбойник, а если бы ты меня уронил? – егерь повернулся, волк опёрся передними лапами ему в грудь. – Ах ты, серая шкура.

Егерь бросил свою сумку на землю и обнял волка, трепля его бока. А Догар, отвечая ему тем же, пытался лизнуть в щёку. Они были разные, два эти существа, и относились друг другу по-разному. Человек был уверен в своём превосходстве над волком и вёл себя покровительственно. Волк был уверен в равенстве и вёл себя, как равный. Они бы никогда не поняли друг друга. Но это не мешало им дружить и находить радость от общения.

Остальные волки тоже сорвались с места, окружая людей. Те гладили их, издавали поощрительные звуки, говорили ласковые слова, массажировали пушистые бока и спины. Многие волки виляли хвостами, сначала стеснительно, вяло, но от радости всё сильнее мели по пыли пушистые хвосты.

Ихван закрыл глаза, чтобы не видеть того, за что ему было дико стыдно. Он близко к сердцу принимал всё, что касалось волков Острова. И твёрдо считал, что их племя вырождается. Как же ему было больно.

*

Вот люди стали садиться на маленький катер, большую часть времени стоявший на приколе у причала. Но сейчас с него спускались сходни и люди поднимались по ним на палубу. В небольшой рубке завели мотор, и катер отчалил.

У Догара дрогнуло сердце. Он бросился к берегу, потом вбежал на скалу у побережья, чтобы дольше видеть катер и смотрел, смотрел вдаль, пока судно не превратилось в точку и не растворилось в голубой дымке, скрываясь за горизонтом. Тогда он завыл, вкладывая в первый вопль всю душу. Волки, оставшиеся внизу, присоединились к нему. Только Ихван крепко прижал уши к голове, чтобы не слышать этого. То, что творили сейчас его братья, он мог бы сравнить только с идолопоклонничеством.

А ближе к вечеру начался шторм. Сильный ветер загнал животных в норы, каждый искал место, где мог бы спрятаться. Ветер длился весь следующий день, ночь и стих только под утро. Он разнёс в щепки дом, в котором жили егеря. Повалил пару деревьев. Молодого зубра ранило сухой ветвью. У волков в семье серого волка и белой волчицы пропал щенок. Так же пропал телёнок косули.

– Смотрите, смотрите, – потрясённый, говорил всем тол-

стый боров, крутясь возле остатков любимого крыльца.

Куски разбитого шифера усеивали землю вокруг.

– Смотрите, я бы мог погибнуть, – не унимался боров. Он захлёбывался словами и брызгал слюной. Его толстые щёки раздувались, а глаза то делались круглыми, то становились щёлками и тонули в жире. – Крыша свалилась прямо на меня. Смотрите.

И его слушали. Собаки, зубры и косули собрались вокруг, смотрели на развалины дома и думали, думали. Но думали они медленно. Боров тоже думал медленно, может быть, ещё медленнее их, но он много говорил.

– Смотрите, – говорил он. – Дома больше нет. Люди никогда к нам не вернуться. Нам нужно теперь жить самим.

– Что? – сказал зубр, которого звали Аш.

– Вернутся, – сам для себя проговорил медведь Мэр. – Всегда возвращались.

– Всегда у них был дом. А сейчас его нет, – сказал боров. – Если у тебя разрушится берлога, ты вернёшься туда?

– Нет, – растерянно протянул Мэр. – И что же нам делать?

– Жить самим.

– Жить самим, жить самим! – закричали над их головами.

Крупные звери подняли головы. Десятки разных птиц, белок облепили ветки ближайших деревьев. Хорьки, ласки, бобры и еноты пролезли между ног лосей и лапами рысей, чтобы видеть и слышать.

– Жить самим. Как это хорошо сказал. Он такой умный.

– А слышали, как он сказал до этого? Люди к нам никогда не вернуться. Он говорит, как пророк!

– Только он сможет обустроить наш Остров по-новому.

– Да, смогу только я, – боров вытянулся, чтобы казаться выше и оперся передним раздвоенным копытцем в плечо медведя дружеским и слегка покровительственным жестом.

Боров, которого все звери презирали ещё несколько часов назад, вдруг вырос в своих глазах и, что самое странное, в их глазах тоже.

Медведь даже не подумал возмутиться таким наглым жестом, наоборот, он весь приосанился, гордо задрал морду.

– Меня зовут Боб, господа. Зовите меня просто Бо, – подражая людям, медленно произнёс боров, щёки его стали снова надуваться. – Я предлагаю создать общее правление и выборность снизу доверху. От каждого вида нужно выбрать трёх депутатов в общий совет. Попрошу, господа, выдвигайте кандидатуры прямо сейчас.

Огромный пень стоял недалеко от развалин дома. Боров бросился туда и удивительно было смотреть, как быстро он переваливается на коротких ножках. Но даже на невысокий пень он не сумел залезть. Медведь и два лося стали толкать его вверх, пока, наконец, не взгромоздили жирную тушу.

– Нет, мне нужно худеть, – бормотал боров, ободряя себя и своих сторонников. – Иду в спортзал. Нужно и себе время уделять, а не только общественной работе. Я тут тружусь больше всех, и вот результат. Себя нужно беречь.

С этим он выпрямился на всех четырёх ножках и тут же сел. Он был выше всех. И даже лоси смотрели на него, вытянув шеи.

– Выборных доверенных лиц прошу подойти ко мне на совет, а все остальные можете идти, приводить в порядок свои жилища. А почему я не вижу волков? Господа, кто-то может пригласить волков?

Вызвался молодой лось, один из трёх выборных. Он побежал, высоко вскидывая ноги. За ним полетели несколько любопытных птиц. Зубр проводил его взглядом и проговорил, отворачиваясь:

– Не нравятся мне волки. И запах их не нравится и нрав. Чуть что не так – зубами лязгают.

– Да они прикалываются, – заурчал медведь Мэр.

Он был старый и толстый, почти такой же толстый, как боров, но очень огромного роста. Когда он становился на задние лапы, он возвышался над любым человеком. Не было ему равных по силе на острове.

– Волки высокомерны, – сказал выборный от собак. – Они – дикие и наглые.

Это был крупный, очень крупный пёс, гладкошёрстный кавказец, брошенный в прошлом году хозяином в порту, привязанным к фонарному столбу. Егерь заповедника узнал о нём из объявления в интернете, поехал, отвязал и забрал на остров. Его называли Лакки, потому что никто не знал его настоящего имени. И он молчал о своём прошлом. А после

того, как его кастрировали, вообще замкнулся.

Вернулся лось, он только сморщился и покачал головой.

– Они там ищут кого-то, – проговорил он медленно. –
Вроде бы их щенок пропал.

– У нас тоже пропал мой внук, – проговорил самец косули. – Но это же не повод не являться на собрание. Другие члены моей семьи его усердно ищут.

– Нужно в нашем государстве сразу указать им их место.

– Тихо, волк.

И на поляну, занятую множеством зверей, вбежал волк. Это был старый Борз, чья рыжая шерсть покрылась сединой, словно инеем.

– Что вам нужно от волков? – спросил он, опустив голову и тяжело дыша. – Наш щенок пропал во время шторма, и мы его ищем. Говорите скорее.

– Ты ведёшь себя нагло, – начал боров, но Борз перебил его.

– Свинья меня учит, как вести себя?

– Что ты сказал? За это ты ответишь по закону. Это оскорбление правительства.

– Сказать свинье, что она свинья? Я не оскорблял. Хотя, думай, как хочешь.

Волк повернулся уходить.

– Стой. Раз ты выборный, останься, но нужны ещё двое. Это наше правительство, законодательный орган.

– Какой орган?

– Законодательный. Раз люди исчезли, мы сами должны собой управлять. На демократической основе.

– А ты кто тогда?

– Я ваш руководитель. Выбранный большинством голосов президент.

– Ни один волк не признает вожаком свинью! Я всё сказал! – Борз повернулся и бросился прочь широкими скачками.

– Что?! – вслед завизжал боров. – За оскорбление Власти...

Но волк бежал уже далеко, он перескакивал через завалы, выбоины и ямы и нёсся, мучимый беспокойством о пропавшем щенке. Малыш не являлся его сыном или внуком, он был только дальним родственником, таким же дальним, как и большинство членов стаи. Но волки совсем не похожи на остальных животных Острова. Они чувствовали родство физически. Это было у них в крови. Именно поэтому они и становились самыми отзывчивыми даже к чужим. Ни один волк не пройдёт мимо попавшей в яму косули или медвежонка. Но их всё равно считали наглыми и высокомерными. Уж такими они были, такими рождались и готовы были умереть.

Поэтому Борз так спешил. И уже подбегая к кромке леса, он услышал призыв щегла.

– Туда, туда, – кричали ему птичка, летая над головой. – Ваш птенец нашёлся. Ихван просил привести тебя.

Борз, не сбавляя скорости повернул за щеглом.

На острове была единственная гора, не очень большая. У подножья жили косули. И на гранитном выступе скалы образовалась неглубокая трещина. Туда и провалился пятимесячный волчонок. Но хуже всего, что там был маленький детёныш косули.

– Это Эльза, она поломала ногу, – кричал своим родичам малыш. – Достаньте сначала её. Ей очень больно.

Маленькая косуля только закивала головой. В глазах у неё стояли слёзы.

Волки склонились над трещиной. Своего щенка бы они вытащили легко, один взрослый матёрый волк в состоянии был спуститься и взяв его за шкурку, вытащить, карабкаясь по небольшим уступам. Силы бы у него хватило. Но с косулей, которой тоже было около пяти месяцев, по почти отвесной скале ни один волк подняться бы не смог.

Волки задумались.

– Не волнуйся, Эльза, – говорил волчонок косуле. – Мои родичи нас вытащат. Вот увидишь. Они все – самые сильные и смелые на Острове.

Косуля кивала головой. Ей было очень больно, но она верила волчонку.

– Я заблудился в ветер, – кричал волчонок своим родичам. – Потом услышал, как зовёт Эльза. Я же не мог её оставить, правильно?

– Ты молодец, – отозвался его отец, чтобы подбодрить малыша.

И волки, увлечённые и разгорячённые, даже не услышали и не почувствовали, что за ними наблюдал хорёк. Это был совсем молодой зверёк серого цвета с рыжей спинкой. Этот малыш, родственник куницы, был непоседа и совал нос везде и всюду, даже в то, что его совсем не касалось.

Он всё увидел, запомнил и помчался, неся горячую новость на кончике своего хвоста.

Возле пня всё ещё проходило собрание, там кричали, махали лапами и топали копытами. Всегда спокойные и рассудительные звери сейчас словно взбесились. Они ревели и орали, словно у них пришло время гона.

Хорёк из осторожности не рискнул подходить близко к крупным зверям, он обошёл всех и подговорил белку подзвать свина. Но тот либо зазнался, либо побоялся слезать с пенька, и послал к хорьку Мэра.

Мэр подробно расспросил маленького зверька и бегом вернулся к пеньку, расталкивая зверей. Даже матерые зубры отскакивали от него, как молодые телята.

– Детёныш косули найден. Но его окружили волки, его жизнь под угрозой! – закричал он, становясь на задние лапы.

– Где, где? Нужно сейчас же спешить туда!

– Хорёк поведёт нас.

– Где хорёк? – боров побоялся, что инициатива уйдёт от него, потому что хорошо знал, что вожаком толпа считает только того, кто бежит впереди неё.

Даже если мнение вожака другое, он всё равно должен бе-

жать в том же направлении, что и вся толпа, только немного быстрее. А иначе кто-то, например, – Мэр, обгонит его, затопчет и сам возглавит толпу.

– Сейчас же, немедленно, – суетился и хрюкал боров, спеша изо всех сил на коротеньких ножках. Голос его и без того невнятный из-за хрипов и похрюкиваний, из-за быстрого движения стал совсем нечленораздельный. – Нужно организовать спасение... спасателей... отряд спасателей.

– Спасение! Ах, как мудро! Спасателей! Величие души! – кричали птицы, летая над головами. – Ах, ах! Наш герой! Святые годы!

Но понять борова было невозможно, его мучала отдышка, нос был забит и слова сливались с хрипом и хрюканьем.

Собаки сами сориентировались, Мэр организовал отряд спасателей из них и молодых медведей, и все они бросились к горе.

Рыжий молодой волк готовился к последнему прыжку, держа косулю перекинутой через спину. Он зубами крепко сжимал её ногу. И Эльза зажмурила глаза от страха.

Насколько волков со дна пропасти построили живую пирамиду, и рыжий волк лез по ней, как по лестнице. Ему осталось только сделать рывок – и маленькая косуля была бы спасена.

Но тут на волка, чья голова лишь выглядывала из горной трещины, налетел медведь. Он сверху упал на волков, придавил тушей, и вся масса свалилась вниз, на камни, давя друг

друга своими телами. Собаки сверху бросились на волков, медведи сцепились с двумя старыми волками, оставшимися наверху и готовившимися принять косулю.

Звери дрались яростно, то и дело из глубины трещины раздавался собачий визг и медвежий вопль. Внизу было тесно, там просто шло взаимное уничтожение. Но собак было мало, медведи не спешили на помощь. Они берегли свои шкурки. И вот первый пёс выскочил из трещины. За ним последовал второй. Окровавленные, с шерстью, стоящей дыбом и поджатыми хвостами, отступали они с горы. Медведи скатились вниз к подножью раньше их.

К пню, возле которого собрались все звери, собаки и медведи вернулись в молчании и понурые. Их окружили и забросали вопросами. Боров уже и не пытался залезть на пенёк. Он сидел рядом, прислонившись к обрубку дерева спиной. Рядом в той же позе сидел Мэр. Другие звери окружили их. Хорёк был уже тут. Он сидел на самом пне, в безопасности, и что-то шептал на ухо то борову, то медведю.

Звали хорька Крысёныш, а почему, – никто и не помнил. Просто, когда-то в его детстве, кто-то так назвал самого маленького и хилого детёныша от очень красивой пары хорьков. Но братья и сестры по клану иногда называли его Гадёныш, – за мелкие пакости, которые тот им подстраивал.

– Ужасно, ужасно! – кричали птицы, слушая с ветвей рассказ побитых собак. – Волки всегда были опасны. Они однажды растоптали птенца, упавшего из гнезда!

– Да! Однажды волк оторвал хвост моему дедушке, – присоединилась к хору белка.

Мэр засмеялся.

– Не знаю, что волков удерживало, чтобы вообще твоего дедушку сожрать! – крикнул он, подняв морду вверх.

– Ужасно, ужасно! Они – звери! Они – жестоки!

– Они – убийцы! – наконец выговорил сам боров. – И помните: нам нужна Долина волков без волков!

– О, как это мудро! Бо Крутой и Мудрый...

И тут сверху закричали:

– Волки! Волки идут!

И на поляне появились волки. Двое из них несли через спину тела маленькой косули и небольшой чёрной остроухой собаки. Остальные окружали их плотным кольцом, готовые к нападению и защите.

Звери расступились, пропуская волков. Над поляной повисло молчание.

Волки сбросили свои ноши недалеко от сидевшего борова. И тот весь сжался от страха.

– У нас тоже погибли братья. Весь грех – на вас, – хрипло сказал старый Ихван. – Больше у нас с вами нет ничего общего. Живите дальше, как сможете.

Он повернулся и пошёл назад в свою долину. Волки, оскалившись, отступали медленно.

– Мы, отныне, живём в долине, вы живёте в лесу, – хрипло проговорил Догар, скалясь.

Всё, что случилось только что, – пробудило в нём ярость. Дикую и неукротимую ярость всего его рода.

– И мы порвём любого, кто придёт к нам, – закончил чёрный Аргно, испытывающий те же чувства, что его друг и брат.

И волки быстро развернулись и скачками помчались за старым Ихваном, бегущим обычной волчьей рысью к родным камням и норам.

– И пусть катятся, – приговорил Мэр, провожая взглядом пушистые спины. – Окружить их забором и наплевать.

– Ты что? – боров снова захрюкал от возмущения, едва выдавливая из себя нечленораздельные звуки. – Совсем без башки тупой? Там же турнепс! Это основная наша пища! Собирай армию! Лакки, – ты будешь генералом.

Пёс только приподнял верхнюю губу и оскалился презрительно. У него была постоянная неутрачиваемая ненависть ко всему живому.

И тут из Долины волков донёсся дружный дикий вой: протяжный и рвущий душу вопль множества волчьих глоток.

Животные сжались на своих местах, втягивая головы.

– Это просто они так хоронят, – ухмыльнулся Мэр.

И тут только звери на поляне вспомнили про два бездвижных тела, застывшие перед ними на небольшой, притоптанной траве.

Нужно ли писать специально о том, что на похоронах Бо Мудрый говорил много, употребил все известные ему слова,

обозначающие у людей скорбь и гнев, но, увы, часто не к месту, потому что скорби он сам не чувствовал, а как правильно описать гнев, у него не хватило его свинячьих мозгов.

Жизнь на Острове изменилась за один день. Собаки стали верной стражей президента Боба. Его прозвали уже Бо Крутой, а псов, – Гоблинами. Но собаки были не коренные жители Острова, у них не было выбора. Они должны были кому-то служить. И раз люди в который раз их бросили и предали, они стали служить свинье.

Чтобы поддерживать интерес к себе, боров так и продолжал бежать первым. Он отправил Мэра с Лакки на переговоры, а сам продолжал сидеть внизу у пенька, привалившись к нему спиной. Пришло время обеда, все животные разошлись по своим домам, борову принесли еду прямо на поляну. О нём заботились множество семей. Поэтому и обед у него был очень разнообразным. Крысёныш остался возле него, ел за обе щёки и слушал Бо Крутого и Мудрого. А тот старался во всю, хвастаясь перед молодым хорьком своим умом и прозорливостью.

– А ещё можно отправлять молодёжь на материк, – говорил он, набив полный рот и чавкая так, что опять слова едва можно было различить. – Я от людей слышал, что много денег платят за бобров и выхухолей. Куницы, твои родственники, – тоже в цене. Можем пригласить их с видом на жительство. А также лисы, белки и зайцы.

Крысёныш только кивал и старался всё запомнить.

– Мы снимем запрет на роды, объявим премию за рождаемость и через год уже сможем объявить об открытии охотничьего сезона и продажи лицензии на отстрел. Так мы в первый же год поднимем экономику Острова.

– Если бы и нам с вами потекло из этой жирной реки, – говорил хорёк, думая уже, что вся его родня теперь за честь будет считать общение с ним.

Что поделаешь, в смутные времена часто и крысята выходят в люди.

– Я, не зря всё время лежал у крыльца. Никто меня не понимал. А я наблюдал, даже телевизор видел, когда дверь не полностью закрывали. Так что я знаю жизнь.

– Ты такой мудрый, – вспомнив крики птиц и белок, деланно восхитился Крысёныш.

– Я Бо Мудрый – да! – согласился толстый боров.

А тем временем вернулись с переговоров Лакки и Мэр.

– Они там настроены решительно, – начал, отдуваясь, медведь, потому что спешил. – Сказали, что никого не пустят на свою землю. У них там умерло три волка и один детёныш, и они их оплакивают. Может быть, стоит подождать, пока всё утрамбуется?

– Нельзя ждать, – азартно начал Лакки. – Это волки. Они нападут внезапно. Мы все погибнем.

– У них турнепс, не забывайте, – проседая на задние лапы, чтобы выглядеть выше, неожиданно заявил Крысёныш.

И тут его заметил даже медведь. Бурый здоровяк опустил

взгляд, долго и с интересом изучал мелкого хорька, словно удивляясь самому его существованию.

– Ну да, ну да, – задумчиво проговорил медведь.

– Малыш прав, – резко и отрывисто бросил Лакки. – Он честный и умный парень. Прислушайтесь к нему.

Боров делал вид, что думает и всё взвешивает, а на самом деле он просто выжидал. И тут он оживился, подался вперёд и, словно став выше ростом, начал медленно и веско:

– Никакого разделения острова мы не допустим! – и внезапно завопил он так, что слова его стали чёткими и ясными. – Немедленно нужно заняться восстановлением Записанного Порядка!

– А у нас разве записан порядок? – изумился Мэр.

– Нет, но запишем. Сначала его нужно восстановить.

– Ну да, ну да.

И Лакки стал собирать армию. Основой её стали собаки, потом молодые медведи, зубры и рыси. Лисы оставались в резерве.

Щеглы, разведчики волков, наблюдали за происходящим на поляне. Они всё видели, всё слышали и летели доносить. Также, со стороны борова, за действиями волков наблюдали клёсты. Их организовал хорёк Крысёныш. Он неожиданно «выбился в люди». Такое выражение появилось у зверей. Говоря так, они имели ввиду животное, которое сделал карьеру.

Своих родственников и друзей Крысёныш пристроил на

неплохие должности, в основном для сбора информации и разведки. Но хорьки очень быстро осмотрелись и возглавили все отделы, приспособив под себя белок и птиц. Крысы тоже работали соглядатаями, но они были единственные, кому это дело действительно нравилось.

А несколько кабанов начали думать о религии и идеологии объединённого животного мира Острова. И один особенно старый кабан, у которого и в молодости-то мозги работали только с половиной нагрузки, начал писать труд под названием «Как обустроить Остров».

Но волки по-прежнему оставались проблемой номер один. И Лакки повёл своё войско в долину.

Волки были на работе, они собирали турнепс, чтобы выменять его у бобров на рыбу. И войско Лакки, встретив по дороге и убив только двух молодых животных, продвинулось до того места, где уже десять поколений волков строили свои логова.

Щеглы предупредили волков и те бросились к домам. С налёта остановив и опрокинув противника, волки отогнали его до границы долины и остановились сами зализывать раны и отдыхать. Наступала ночь.

Так получилось само собой, что Догар, самый крупный и сильный из волков возглавил бой. Теперь он собрал совет из старого Ихвана, чёрного Аргно и рыжего Мазлака, своего троюродного брата. Все пришли к одному мнению: свободу Долины волков они будут отстаивать любой ценой. И рано

утром они увидели, что Лакки стянул к границе огромное число медведей, маралов, зубров и рысей. А лисы находились в арьергарде армии.

– Даже голубей собрали, – проворчал Ихван, мрачно глядя перед собой. – Они-то чем для нас опасны? Разве только обосрать могут сверху.

Но голуби были просто связистами.

А за волков стояли только волки. Но мужества им было не занимать.

И Догар пошёл вперёд.

– Стой, – крикнул вслед его друг Аргно. – Тебя убьют!

– Я попытаюсь всех спасти, – отозвался Догар.

Он остановился метрах в пятистах от стоявших впереди собак.

– Лакки, – закричал он. – Давай, может как-нибудь, пока не поздно, отведёшь зверей? Они же тебе доверяют. Не продолжай войну, не надо. И так уже много жертв с обеих сторон. В любом случае, Лакки, пойми, и ты погибнешь, и я погибну. Что с этого толку будет? Сам правильно пойми. Кто от этого выиграет? Мы же от этого с тобой не выиграем, понимаешь? Если мы... я тебя увижу в бою, понимаешь, уже я тебя щадить не буду, так же, как и ты меня, понимаешь? Ты лучше ко мне как гость приди, Лакки. Отводи зверей, не надо, не... Пожалей их матерей, пожалей их самих. Отводи зверей, Лакки, дай команду. Мы сможем жить на одном Острове, места здесь много. Мы просим только долину, лес

и гора остаются у вас. Мы даже турнепсом будем делиться с остальными зверями, выделим каждому племени определённую норму, сверх неё вы будете покупать в обмен на рыбу, орехи и ягоды. Только уйдите сейчас, дайте нам спокойно жить.

– Покоя захотел? – зарычал Лакки. – Ты чувствуешь свою слабость? Вперёд, гоблины, вперёд придурки, мы их сомнём!

– Братья, – закричал, выпрямляясь во весь рост Ихван. – Вперёд!

Две армии столкнулись снова. Яростное рычание, визг боли и дикий рёв рвались из разъярённых глоток.

Волки дрались не на жизнь, а насмерть. Отступить им было некуда. И они умирали молча, стискивая челюстями глотки визжащих врагов. Маралы и зубры отступили первыми. Лисы, рыси и медведи пятились к лесу. Только собаки держались до конца, и падали замертво вместе с волками.

И вот битва закончилась. Собаки погибли все, остатки медведей и рыси спаслись бегством. Лис и других животных давно уже не осталось в долине. Даже птицы разлетелись.

И наступил покой. Скулили, умирая, собаки. В молчании, глядя на багровый закат, делали последний вздох израненные волки.

Догар смотрел на залитую кровью долину, и сердце его замирало от боли. Но жизнь продолжалась. И волки ждали его слова.

– Я старался, чтобы этого не произошло, – хрипло и за-

думчиво сказал Догар. – Но мне не удалось изменить судьбу.

– Что случилось, то случилось, брат, – устало и еле слышно, проговорил Ихван, слабый от потери крови. – Одно мы сделали точно, – волки будут жить на своей независимой земле.

Живые волки завыли, оплакивая погибших. А собак так никто и не подобрал.

Лакки, израненный, сидел возле пня, на который взгромоздился боров. Ему составили у подножья камни приступками, чтобы он сам мог забираться на свой «пьедестал».

Все звери молчали: кто устало, от слабости, кто, думая и пытаясь что-то уяснить хотя бы для самого себя. Боров, тот самый Бо Мудрый и Крутой молчал глубокомысленно. На самом деле он даже задремал от такой глубины мыслей. Но медведь разбудил его злобным рыком.

– Всё, – гремел он, выпрямляясь во весь свой гигантский рост. – Каждый живёт сам по себе, никто никого не трогает! Мы потеряли трёх медведей, – довольно! У нас не осталось ни одного гоблина! Да кто теперь будет нас охранять от тех же воров-волков!

Бо Мудрому стало не по себе. Он начал понимать, что инициатива уходит из его рук. Он захрюкал, заёрзал на месте, трясь толстым задом о поверхность пня. Ему стало очень неудобно и даже страшно. Людей больше не было, еду он сам добывать не умел. Кто бы стал о нём заботиться? Но была ещё одна причина, которая заставила его дрожать и цепляться за свой пост. Война с волками разбудила в зверях са-

мые древние инстинкты, подавленные генными инженерами. Рысь и медведь уже не просто смотрели на него, они видели в нём заветную пищу и в тайне лязгали зубами.

И Бо Крутой и Мудрый задумался теперь по-настоящему. – Возвращайтесь по норам и логовам, господа, – стараясь цедить слова, чтобы звучало веско, начал Мудрец. – Каждый из нашего объединённого народа ценен и неповторим. Лечитесь и отдыхайте. Скоро родной Остров и Записанный Порядок будут нуждаться в вашей защите.

Он кончил фразу совсем тихо, и все звери вокруг сдержали даже дыхание, чтобы расслышать последние веские слова. Этому психологическому приёму по манипуляции толпы людей-политиков учат специалисты, но наш толстяк додумался до всего сам. Это был необыкновенный и очень талантливый свин.

Звери впервые не закричали и не стали аплодировать. Они просто разошлись, едва волоча ноги.

А боров тихонько окрикнул:

– Малыш, ты где?

– Тут, – на пень вскарабкался Крысёныш.

– Выручай, малыш. Помоги придумать, как уничтожить непокорных волков.

– Я уже думаю об этом. Я работаю...

После похорон, волки, без сил, лежали у своих нор. Первым поднялся Мазлак. Он был всегда очень активным, из тех, кому не сидится.

– Ты куда? – спросил тихо Догар.

– Посмотрю, что враги делают.

– Не вмешивайся ни во что. Нам нужен мир.

– Так они тебе его и дали.

Мазлак был молодой, прямой и циничный волк. Но он был отважен, и звери с ним считались.

Он поднялся, встряхнулся и побежал рысью по направлению к лесу. Догар тоже встал. Долину они сохранили. Племя жило. Значит всё ещё могло наладиться. В племени росли волчата, несколько помётов. Они были надеждой волков на продолжение рода. Их берегли. Их любили.

Догар медленно обходил логово за логовом, смотрел и слушал. Им нужен был мир. Хотя бы пока подрастут волчата. Ведь взрослых волков осталось так мало.

Прошёл день, и вечером в Долину волков вернулся Мазлак. Он тащил за собой упирающегося маленького медвежонка.

– Что ты творишь! – к нему подскочил Догар.

– Это внук самого Мэра.

– Ты всех подставил!

– Или спас! Он будет нашим заложником. И пусть заплатят за него выкуп.

– Мазлак, брат, а что за белка следует за тобой? – сдерживаясь, спросил Догар.

Рыжий волк посмотрел назад. Там у кромки леса на ели сидела белка и внимательно смотрела на всех.

– Она мне показала, где гуляет детёныш, – небрежно бросил Мазлак.

– А не она тебе подсказала похитить его?

– Ну... мы вместе с ней обсудили...

Догар заревел от ярости.

– Ты обсуждаешь дела волков с белками?! Ты готов погубить всю Долину! Убирайся с моих глаз! Пока я не порвал тебя в клочья!

Мазлак отскочил от разъярённого брата и, прижав уши, бросился к лесу. Злость и обида душили его.

Догар оглянулся. За ним собралось несколько волков. А перед ним сидел на земле маленький медвежонок и, приоткрыв рот, смотрел на волков.

Догар шагнул к нему и обнюхал. Малыш потянулся к волку и лизнул его в нос. Но волк был строгий и жёсткий боец. Он не мог себе позволить проявление нежности к детёнышу. Он отступил, потёр лапой нос и проговорил медленно, стараясь, чтобы голос его звучал мягко:

– Ты хочешь домой, малыш?

Медвежонок кивнул тяжёлой большой головой. – Ты не боишься нас?

Медвежонок отрицательно покачал головой.

– Тогда пошли, мы тебя проводим. Ты помнишь, где ты живёшь?

Медвежонок кивнул снова.

– Эй, а ты говорить умеешь?

– Да.

– А почему тогда молчишь?

– Мне мама не разрешила разговаривать с волками.

Волки дружно расхохотались.

– Двое братьев, пойдёте со мной, нужно проводить сосунка до дома и объяснить всё родителям.

– Осторожнее, брат, – сказал старый Ихван. – Я сам бы пошёл, но прокушенная лапа болит, ступить не могу.

– Мы быстро вернёмся, не волнуйся, – ответил Догар.

И он сам, Аргно и ещё один волк, белый Куйра, повели медвежьего детёныша к лесу.

– Ты где живёшь, помнишь? – спросил малыша Аргно.

– У большого камня, там наша берлога. Третья от камня.

– Я знаю эти места, – на ходу выговорил Куйра. – Ещё щенком я таскал у них мёд.

Волки рассмеялись, каждый вспоминая своё детство. Они двигались медленно, подстраиваясь под шаг медвежонка, который то и дело сходил с тропы, чтобы обнюхать небольшую кочку или раскопать крысиную ямку.

Волки останавливались и терпеливо ждали. Рычать и шлёпать щенков у них было непринято.

Едва углубившись в лес, волки почувствовали запах медведей и остановились.

– Эй, братья медоеды! – крикнул в глубину леса Догар. – Мы идём с миром и доброй волей! Ваш...

Но договорить ему не дали. Несколько медведей, крупный

и сильных самцов молча бросились вперёд. Лишь тяжёлое дыхание слышно было в лесу. Медведи не такие уже увальни, как кажется. Когда нужно двигаться быстро, они прут как танки, ломая на своём пути кусты и небольшие деревья. Кажется, что они не чувствуют боли.

Волков было только трое, трое было и медведей. И они столкнулись. Первым громко завизжал Куйра. Белая шерсть его слиплась от алой крови. И противник подмял его.

– Аргно, уноси его, – крикнул Догар другу, уворачиваясь от своего врага и бросаясь на помощь Куйре. – Я задержу их.

Времени не было спорить. Прыгнув через спину присевшего медведя, Аргно отскочил от занесённой лапы второго, перебросил лежавшего белого волка через плечо и понёсся к кромке леса тяжёлыми скачками. Лапы и хвост Куйры свешивались с его спины и везлись по земле.

Медведи окружили Догара, которые остался один против трёх противников. Тот стоял, тяжело дыша, и готовился к смерти.

И тут от кромки леса раздался грозный волчий вой и ветер принёс острый запах волчьего пота. Медведи замерли на месте, выстроились в линию. Медвежонок, чувствуя неосознанный страх, забрался под брюхо к своему отцу.

– Уходите, – тяжело и медленно процедил Догар. – Волки не причинят вам зла. Клянусь вам! Ради вашего малыша, уходите!

Медведи стали медленно отступать. Волки показались из-

за деревьев.

– Стойте, – закричал Догар, поворачиваясь к своим братьям. – Они уходят, стойте!

Волки замешкались, добегая до своего вождя, они оставались, нервно крутились на месте и повизгивали. Но тут, с другой стороны, на ближайшего медведя налетел Мазлак, и вцепился ему в заднюю лапу. Дико завизжал медвежонок, взревел сам отец-медведь. И волки сорвались с места. Уже не было силы, способной удержать их.

Только один медведь ушёл с места побоища. Двух его братьев волки разорвали, медвежонок задавили насмерть и потеряли четырёх своих волков. У Догара шерсть была слеplена кровью, и вид его был устрашающий.

– Уходим домой! – загремел он на весь лес. – Вы не должны были этого совершить. Мазлак, – теперь ты мой враг! Откуда ты взялся! Что за белка тебе привела в этот раз!

– Отстань от белок. Не считай себя единственным волком на свете. Меня Крысёныш предупреждал, что ты плохой волк.

– Крысёныш? Ты бы ещё с самой свиньёй побеседовал! Предатель!

– Это ты предатель. Я дал вам возможность победить, привёл заложника. А вы его потеряли. Даже хуже, – убили! Представь, что теперь сделает Мэр!

– Уходим в Долину! – рявкнул Догар и первым, широкими прыжками бросился вон из леса.

Но в Долине ссора между Догаром и Мазлаком разгорелась с новой силой. Они уже готовы были грызться друг с другом, когда Мазлак неожиданно отступил.

– Оставайся хозяином долины, если хочешь, в одиночестве. Я уйду к другим зверям. Волки, братья, кто последует за мной? Идёмте, пока не поздно!

Тишина нависла над Долиной волков.

И один волк, повернувшись, пошёл к Мазлаку. Двигался он, медленно, понурившись, низко опустив голову и поджав от стыда хвост. Но всё-таки он шёл. Второй двинулся за ним уже увереннее. Третьей была волчица с двумя детёнышами. И скоро половина племени перешла на сторону Мазлака. Они старались не смотреть в глаза оставшимся волкам.

– Теперь у нас шестнадцать взрослых сильных волков, говорил Крысёныш, устроившись на пне рядом с Бо Мудрым. – Они заменят нам собак и будут послушны во всем. Они же сами и додают Догара.

– Ты маленький, но умный, – сказал Лакки.

Он внимательно и не мигая, наблюдал за маленьким хорьком.

– Да, я стараюсь для общего блага.

Самооценка Крысёныша росла с космической скоростью, но внешне он старался держаться скромно.

И тут к трём заседателям прилетел клёст и сел на обломок столба.

– Мудрейший, сейчас чайки кричат, что к нам от материка

приближается корабль.

– Люди? – каждый на свой манер, но одновременно воскликнули трое заседающих.

Боров перепугался не на шутку. Люди – единственные на Острове, кто мог его съесть наверняка. Лакки не любил людей за их предательство. Один хорёк относился к ним лояльно. Они даже не замечали его, он – их. Всё было взаимно. Но он первым выговорил веско и внушительно:

– Мы своих не сдаём. Не волнуйтесь. Я все устрою.

Катер, везущий егерей, видно было уже с пенька.

– Люди вернулись на остров, – сказал Ихван, поднимаясь со своего места. – Что будем делать, братья?

– Будем ждать, – ответил Догар.

– Я не хочу снова им подчиняться, – проговорил Аргно. – Мы почувствовали волю. Мы хотим жить по-своему.

– Остров мал. Люди сильнее всех. У них есть ружья. Нам не одолеть их.

– Будем ждать, – снова повторил Догар.

С ним осталось двенадцать волков и волчиц. Детёнышей у них уже не было.

Егеря вернулись не одни. С ними были электрики и строители. Нужно было восстановить дом. Егеря ходили по острову и не узнавали его. Увидев небольшой холмик, главный егерь раскопал его и увидел похороненного медведя, с разорванной глоткой.

Это открытие поразило его.

Маленький хорёк с рыжей спинкой смотрел на него из-за корней, но человек его не заметил.

Егерь торопливо вернулся к своим. Хорёк следовал за ним, прячась в траве и жалея только, что он не белка.

– Проблема, – подбежал главный егерь к своим товарищам. – Что-то случилось на острове. Я нашёл тушу медведя, задранного, судя по всему, – волками. Срочно, нужно всем вколоть «Рабикан», боюсь на Острове началась вспышка бешенство.

– Тогда всех рабочих нужно срочно эвакуировать, – торопливо предложил другой егерь, моложе.

– Да. Я ещё удивился, почему нас собаки не встречают. И волков не видно.

– Зато наш Борька на месте.

– Свинья ни к чему не восприимчива, была бы грязь, – с желчью проговорил самый молодой егерь. – Давно надо бы его зажарить.

Бо Мудрый и Крутой лежал в грязи, закатив свои маленькие глазки и трясся всем большим и жирным телом.

И началась работа. Посторонних людей срочно эвакуировали с острова. На помощь смене лесников ещё на одном катере приехал отряд егерей, поднятый по тревоге. С ними было несколько ветеринаров, имевших большой запас вакцины и снотворного. Началась работа.

Крысёныш со всех ног мчался в Долину. Спустившись на равнину, он стал искать волков, бегал и нюхал землю вокруг,

пока не почувствовал знакомый запах, принадлежавший самому Догару...

Первыми решили вакцинировать волков. В лесу, недалеко от горы нашли волков, которые ушли с Мазлаком. Те, покусанные, едва живые, встретили людей покорно. Они опустили головы, махали хвостами, всячески показывая свою покорность. Их усыпляли, делали прививку, обрабатывали раны. Другие волки смотрели и не двигались с места, ожидая своей очереди.

И тут из-за леса показались волки Догара.

– Вон, видишь, – говорил Крысёныш. – А ты мне на верил. Смотри. Их убивают!

И Догар бросился на старшего егеря.

– Бегите, братья! – закричал серый волк, сбивая с ног человека.

Его страшная, вся в свежих рубцах голова склонилась над горлом егеря.

Человек зажмурился. И волк не смог убить своего бывшего друга. Он легко отскочил от поверженного человека и широким налётом помчался к лесу.

А красное кровавое солнце волчьей свободы приближалось к закату.

Прошла ночь. И с ясным светлым рассветом над островом показался вертолёт. Люди в камуфляже с боевым оружием окружили Долину волков. Всё живое в ней подлежало уничтожению.

Хорёк сидел на небольшом холме среди камней и внимательно наблюдал за тем, что там происходит.

Вертолёт завис над долиной и, низко опустившись, стал медленно пролетать над высокой травой, стараясь выгнать стаю из укрытия. И нервы у волков сдали. Первый волк выскочил из укрытия и, прижив уши, помчался по равнине. За ним рванулись второй и третий. Из вертолёта раздалась пулемётная очередь. Рыжий гигант подпрыгнул на полном бегу и кувыркнулся в траву.

Волки метались по равнине. Их расстреливали сверху. Но когда они попытались выскочить к лесу, их и там встретили автоматными очередями.

Догар погиб одним их первых. Он, видя конец, не захотел унижаться и прятаться или бежать. Он просто выпрямился во весь рост и так и остался стоять в ожидании пули. Некоторые волки, самые твёрдые и храбрые последовали его примеру.

Через какие-то полчаса всё было кончено.

После уничтожения последних волков из Долины вертолёт улетел. Оставшимся животным сделали прививки от бешенства. На Остров привезли новых собак.

И всё было бы по-прежнему. Только вот у тех волков, кто остался на Острове, упали уши. Даже доктор биологических наук приезжал изучать этот феномен. Но причину так и не понял.

Майка

Дин Спейс



*Обложка создана при использовании ИИ Кандинский.
Правообладатель ПАО Сбербанк. Все права защищены.*

Детский крик всколыхнул сонную улицу, бился о стены старых домов.

– Иринка! Собака! Нам собаку купили!

Пожилая соседка Зоя Ивановна выглянула из-за ограды:

– Тьфу, оглашенный! Что так кричать-то? Собаку им купили, эка невидаль...

Мишка резко затормозил на пыльной дороге у дома соседки.

– Вы не понимаете, Зоиванна... Не собака какая-то простая, это СОБАКА! – и попылился дальше к своему дому.

– Тьфу, – ещё раз мысленно сплюнула соседка. – Объяснил!

И повернулась к своему ненаглядному огороду.

Мишка добежал до своего дома, на бегу откинул щеколду калитки, влетел на задний двор. Иринка степенно раскладывала всякие расчёсочки и пластиковые зеркальца по столикам кукол.

– Ириш, я зову, зову... Собака! Как папа обещал! – глаза Мишки горели, ноги сами так и приплясывали. – Бежим до почты! Папа там!

Мальцы побежали. Иринка всё отставала, что вызывало лёгкое рычание старшего брата, несколько раз он убежал и

возвращался за ней. Хотел, чтоб вместе увидели своё обещанное чудо.

Добежали, отдышались слегка. Большая дородная Марь-васильна не любила, когда хоть кто-то шумел на территории почты, это был её Храм. Если бы вы захотели встретить толстого дракона в синей форме с белым шарфом, надо было разбудить его в огромной женщине, точно вам говорю! Мишка опасался неохватную начальницу почты, но не признавался в этом никому, даже себе.

Заглянули в двери, увидели отца. Он как раз получал от Марьи Васильевны большую продолговатую коробку. На неё с интересом посматривала помощница главпочты, а также пара случайных посетителей. Папа с трудом приподнял упаковку и развернулся к выходу. Тут он увидел у дверей блестящие любопытные глаза детей.

– Мишки-Иришки! Так, так... Ну-ка, пошли домой!

Они шли по улице, папа придерживал длинный пакет с посылкой. А Мишка также пританцовывал, забегал вперёд, рассказывал всем встречным мальчишкам, что им прислали СОБАКУ. Отцу пришлось осадить его, чтоб не приглашал к ним полсела.

Вообще, это уже не было селом, скорее, – окраиной огромного мегаполиса, что напознал в их сторону последние годы. За близкой речкой уже сверкали на солнце, закрывая весь горизонт в той стороне от края до края, огромные башни многоквартирных домов, стеклянных офисов и разноцвет-

ных торговых центров.

Дошли до дома, папа уже слегка запыхался, коробка была тяжёлой. Отец у них был типичным интеллигентом, не особо накачанным. Хотя кой-какие мускулы имелись в наличии, как говорила со смешком мама, когда хотела его позлить. Обычно это заканчивалось визгом, беготней и киданием подушками по всему дому. Мишке и Иринке особо нравились такие вечера.

Днём папа работал в какой-то фирме в близком городе. Вроде программистом или техником, особо не рассказывал, а мама просила детей не хвастать этим. В городе было полно закрытых предприятий, и папа “варился” в одном из них. Электронную собаку прислали обычной почтой с такой закрытой фирмы, чтоб ни у кого на селе не возникло вопросов, – якобы папа купил на одном из маркетплейсов продвинутую игрушку. Недельку пообсуждают и почти забудут, на это и был расчёт.

Папа со вздохом облегчения положил упаковку на низкий столик террасы.

– Дуй за ножиком в мастерскую, – сказал Мишке, и тот рванул.

Принёс складной нож, который хотел соседским мальчишкам показать, но отец запрещал уносить из дома, приговаривая, что “ложка хороша к обеду”, и нечего нужные вещи уносить для игрищ. Мишке было обидно, но отца слушался.

Тут папа разложил нож и быстрыми движениями вскрыл

пластик упаковки. Под ним обнаружилась обычная картонная коробка без обозначений. Отец с улыбкой стал медленно открывать крышку и на, любопытно вытянувших шеи, детей из темноты коробки вдруг глянули два голубых светящихся глаза. Они отпрянули, но через секунду вернулись, потому что раздалось нежное мелодичное тьявканье щенка.

– Майка! – вдруг воскликнула Иришка. И пояснила недоумённым отцу и брату, что так будут звать собаку.

– Я хотел его назвать Рексом, – обиженно проворчал Мишка. Он надулся, искоса глядя на робощенка. Но через пару секунд забыл свою обиду.

Щенок был потрясающим. Его белёсая шерстка была похожа на настоящую, никакого пластика, как у старых моделей. Глаза могли светиться, а могли изображать совершенно обычные собачьи голубоватые глаза, как у хаски. Хотя собака была скорее терьером, только без лишней мохноты умной морды. Собака одним грациозным прыжком оказалась у ног малышей, её глаза доверчиво, как казалось Иринке, смотрели на них. Хвостик, в меру длинный и забавный, как у настоящей собаки размахивал из стороны в сторону.

– Бежим, поиграем! – крикнул Мишка, и хотел уж рвануть на дорогу. Но отец остановил его резким взмахом.

– Постой, Миш... Дети, послушайте... Э-э... Вы же видите, что это не простой щенок. Как бы это сказать? Понимаете, он будет вашим защитником, слушайте его, если что, ладно?

Дети молчали, не совсем сознавая, как слушаться собаку. Но Мишка решил поддакнуть, только чтоб их уже отпустили. И малышня побежала в сторону соседних домов, где их уже ждала ватага слегка запылённых загорелых мальчишек и девчат. Майка бежала с ними, слегка поворачивая голову и периодически гавкая всё тем же мелодичным голоском.

*

Лето почти кончилось, Мишку всю соби́рали в школу, бабушка по видеосвязи деловито напутствовала внука, чего надо быстро дочитать, какие предметы подтянуть. Она была заслуженным учителем района, и в конце августа об этом напоминала всем, когда надо было подготовить внука, теперь уж к третьему классу. Иринке такие заботы пока не грозили, но в следующем году бабушка возьмётся и за неё, как раз к первому классу внучка должна уметь читать и считать.

Удушающая жара надоела за последние дни, прежние месяцы и то были нормальными. Дети вспоминали прохладные июльские ночи, а днём ребятня проводила время то в лесу, то на речке, редко задерживаясь дома. Но август будто решил отыгаться за всё лето. И лица взрослых были хмурыми и напряжёнными, нечто витало в воздухе, говорило сухими и безжизненными голосами дикторов из телевизоров.

В тот день Мишка с Иринкой успели с утра сбегать на речку вместе с Майкой. Там она бегала по берегу, лаяла и выполняла команды, как самая настоящая собака. К ней уже все привыкли, внимание, как раньше, перестала привлекать.

Ребят знакомых было намного меньше, кого заранее увезли в город, а кто-то ходил с родителями по школьным базарам.

Полдень давно миновал. Отец, как всегда, был на работе. Мама ушла к знакомой за деревенскими молоком и творогом, заодно поболтать, обсудить свои дела и новости. Потому дети знали, что час или полтора им предоставлено побыть одним в большом скрипучем доме.

Ребята слегка заскучали, Иринка опять возилась со своими куклами на заднем дворе, Мишка покидал мячик робоценку. Тот выполнял все команды с неизменными точностью и изяществом.

Вдруг собака остановилась прямо посреди игры. Её голубоватые глаза обратились в небо, она даже пропустила кинутый Мишкой мячик, и тот ударился о мохнатую мордочку. Майка даже не шелохнулась. Секунду или две она всматривалась в видимые только ей одной далёкие чёрточки и точки в небесной дали. Глаза робоценка вдруг загорелись красным, вместо нежного тьяканья из её рта раздался громкий мужской голос, очень похожий на папин:

– Опасность! Дети, быстро в подвал!

Мишка застыл от неожиданности в шоке. Тогда робот обратил на него горящие красным светом глаза и мотнул головой в сторону, где играла Иринка. До паренька дошло, и он рванул за сестрой. Через несколько секунд он появился в дверях, крепко держа за руку ревущую Иринку. Та ещё больше заголосила, увидав два красных карбункула вместо голу-

бых приветливых глаз Майки.

Собака не тратила время, уже подбежала к толстой металлической двери, уводящей в наклонный коридор, что вёл в глубокий подвал под домом и участком. Она подскочила, вцепившись в ручку двери, рванула её своим весом. Так что дети, подбежав, сразу смогли, не снижая скорости забежать в полутьму к лестнице подвала. Робот рывком захлопнул дверь, и тут же тьма обступила их, но горящие красным глаза, так напугавшие Иринку, подсвечивали на три ступеньки путь вниз.

– Опасность! Опасность! – всё продолжал повторять устрашающий мужской голос, что так не вязался с нежным и уже привычным образом робоженка. Собака явно поторапливала детей, чтоб они быстрее спускались с лестницы.

Брат с сестрой почти добежали до низа, оставалось несколько ступеней, в красноватом свете глаз робоженка уже отсвечивали привычные банки с мамиными закрутками, когда страшный удар потряс дом и землю под ним. За пару секунд до того из-за далёкой двери наверху полыхнуло по краю, будто фотовспышка. Мишка даже вспомнил, как их фотографировали на выпуске класса, там также неприятно слепило вспышкой. Но это было как десятки вспышек, они с сестрой даже запнулись на последних ступеньках. И тут удар бросил их вместе с собакой на ближний стеллаж с банками.

Это был хаос, Иринка с Мишкой орали от ужаса и боли, осколки от банок посекали их, стеллажи падали в их сторону,

но собака успела за долю секунды прикрыть детей от ближайшей конструкции. Они лежали, постанывая, среди осколков банок, разбросанных в пыли огурцов, перцев и помидоров с зеленью, когда слышали почти оглохнувшими ушами ужасный гул, будто за дверью наверху рядом шёл гружёный поезд, а может быть, это ревел ураган.

Порезы и раны кровавили и зудели. У Иринки из глубокого пореза на ноге толчками выплеснулась кровь. Мишка увидал это, оторвал от рубашки рукав. Прижал к ране Иринки половину рукава, потом привязал остатком. Он сам шипел от боли, да и Иринка кривилась, тем более, что на раны попало кислым из разбитых банок. Пришлось ещё вытаскивать осколки друг у друга. Они почти не обращали внимания на Майку, а робоченок приговаривал в то время непонятные слова:

– Радиационная опасность! Не выходить! К двери не приближаться!

Вдруг Мишка застыл.

– А как же мама? – он повернулся к двери, за которой гудел ужасным воем странный ветер. Дверь держалась, потому что их дед соорудил подвал так, будто готовился к нашествию врагов. Деда не было уже года три, Мишка сильно скучал по этому сухому и суровому человеку. Уж он-то точно подсказал бы мальчикам, что и как делать теперь.

Мишка направился к лестнице и этой железной громаде, что отделяла подвал и детей от чего-то ужасного наверху. Со-

бака прыгнула перед ним, её красные глаза глядели прямо на Мишку.

– Опасность! Не подходить! – громко и чётко, перекрывая гул, вещал записанный мужской голос.

– Уйди! – бешено заорал мальчик. – Там же мама!

Он попытался оттолкнуть собаку, та ловко уворачивалась, но не давала пройти вверх к двери.

– Опасность для жизни! Радиация! – повторяла собака смутно знакомое слово, но Мишка никак не мог вспомнить, что это такое. Помнил, что родители тихо обсуждали какое-то ужасное слово “война”, тогда мама всё вздыхала, что не дай бог такое пережить, уж ей-то бабушка рассказывала. Тогда и мелькали в разговоре слова “бомба”, “радиация” и другие, только взрослым понятные.

Мишка сделал вид, что возвращается к сестре, крикнул Майке:

– Смотри! – и та повернулась к чему-то за спиной Иринки, защищая маленькую хозяйку.

Мишка рванул вверх по лестнице, огромными прыжками перепрыгивая через две или три ступени. Собака не успела среагировать на эту выходку, ей не хватило пары секунд. Мишка успел добежать до двери и рванул ручку.

*

Ураганный ветер тут же распахнул тяжёлую дверь, будто это был листок бумаги. За проёмом угадывались рваные клочки того, что было навесом террасы, странный оранже-

вый свет заполнял всё в пространстве. Над обожжённой и оплавленной землёй неслись низкие тучи, мгновенно собираясь, заслоняя тьмой на секунду страшное распухшее солнце, то безумный свет сквозь бесчисленные клубы пыли освещал на секунду-другую ужасное разорение в том, что ещё утром было их селением. За высохшей от жара рекой угадывались обломки мегаполиса.

Мишку буквально вынесло в проём двери, и робот-собака своими чувствительными органами видел в то мгновение, как ураган будто наждаком содрал с него плоть. Мальчик даже не успел вскрикнуть, как осыпался лёгким пеплом, который тут же был снесён безумным ветром в сторону бывшего города, где вспухал чудовищный гриб.

С нечеловеческой быстротой было принято решение. Робот подскочил к двери, его сенсоры доносили крик Иринки, счётчик радиации зашкаливал. Преодолевая ураган, собака дёрнула дверь на себя, но не могла преодолеть эту мощь. Электронный мозг решил изменить тактику, и при следующем порыве ветра использовал его силу, чтоб помочь захлопнуть дверь, и это получилось. Ураган сломал собаке привод в челюстях и задней левой лапе. Все это заняло от силы секунды две, но Иринка в подвале уже потеряла сознание от перепада давления и от дозы радиации.

Майка поползла к хозяйке, подволакивая сломанную лапу, приводы в остальных лапах тоже были на грани разрушения. Положила голову на колени девочке, переключила гла-

за на режим спокойствия. Потому что уже было поздно предупредить, радиация проникла в подвал, разлилась по маленькому телу хозяйки, стала выжигать схемы самой Майки.

Иринка пошевелилась, с трудом открыла глаза. Её зрение размылось и стало пропадать, взгляд собаки она восприняла как два голубых ярких пятна. Из носа девочки пошла кровь.

– Майка... Маечка моя! – шептала Иринка, и её слабеющая рука всё гладила мягкую белёсую шерстку, нежно тьякнувшего робоценка. Его схемы почти отказали, выжженные невидимым безжалостным светом радиации. Но Майка чувствовала прикосновения хозяйки, пока их обоих не объял тьма.

Наша корова

Галина Вайпер

ГАЛІНА ВАЙПЕР



НАША КОРОВА

Обложка была создана при использовании ИИ Dream и Adobe Photoshop.

Всё, что когда-то случилось с нами, как бы давно это ни было, остаётся с нами, в нас. Почему именно эти воспоминания решили всплыть сейчас и потребовали воплощения, я не знаю. Есть связь между тем, что прошло столько времени и моей настойчивой потребностью записать эту дурацкую историю, или нет, я не знаю. Но пишу, раз уж ей приспичило появиться на свет.

В начале девяностых мы каждый год ездили в деревню на лето. Я не работала, сидела с младшими детьми. Денег почти не было, а огород позволял кое-как пережить зиму в городе. Сами понимаете – картошка, морковка, грибы, ягоды... В стране деньги съедала инфляция, а в деревне они не нужны были вовсе, просто благодать. В конце концов, денег не стало совсем, когда мужа сократили с работы.

На остатки наших собственных копеек и рублей, содранных с родственников, мы купили себе ещё один дом. Первый оказался слишком маленьким для нашего обширного семейства. Второй дом стоял рядом, большой, двухэтажный, старый и разваливающийся на две половины, с протекающей крышей и кривыми полами. Но все остальное оказалось крепким, печи – целыми, а два этажа позволяли нашей ораве разместиться вполне комфортно.

По размерам наше семейство вполне тянуло на небольшой колхоз. Мы весело пахали в двух огромных огородах. В одном сажали картошку, в другом – морковку, капусту, горох и всякое разное, от репы с редиской до брокколи и мангольда.

В новом доме бревенчатые стены были оштукатурены, и нам это не нравилось – запах, лишняя влажность. Накинувшись всей компанией на штукатурку, мы в несколько дней ободрали её, разобрали заодно и лишнюю печку.

Куча строительного мусора лежала рядом с домом, ожидая, когда руки дойдут её убрать. Однажды дошли... Глава нашего колхоза замедленными плавными движениями нагружает штукатурку в вёдра, берёт их в руки, приподнимает в воздух (все не спеша, неторопливо так... а куда торопиться в деревне?) и...

И тут из-за огорода выруливает сосед, за которым на верёвке тащится корова. Пас он её где-то неподалёку, дело к вечеру, они возвращаются домой. Глава семейства плавно возвращает вёдра на место и завязывается оживлённая беседа о том, о сём... ну, сами понимаете, дело к вечеру, два усталых мужика... куда торопиться, если можно расслабленно почесать языки?

И вот они стоят, ведут полную достоинства беседу, а корова, привязанная к соседу за верёвку, с наслаждением лижет, если не сказать жрёт, штукатурку. То ли ей соли в рационе не хватало, то ли скучно просто так стоять, может, просто дойти хотелось, а её тут морили попусту.

В общем, к утру соседям пришлось корову прирезать. Мясо они продали, вырученные деньги благополучно пропили, а наш младший годовалый младенец остался без молока. Отчасти оно было и к лучшему, потому что соседка имела дурную привычку нет-нет да и разводить молоко водой. Вот только теперь за молоком приходилось ежедневно таскаться за два с половиной километра в соседнюю деревню. Жарко, далеко, комары, мухи... в общем, лень.

Посему решили мы купить козу. Кормить её летом не надо, сама жрёт, что ни попадя, места занимает мало, а осенью её того... съедим. Глава семейства неоднократно обсуждал эту животрепещущую тему с мужиками из соседней деревни, отчего выяснил, что семейство местной учительницы жаждет продать свою корову. Задёшево.

Лягучая она, а учительница родом из города, к коровам непривычна, потому ей совсем не нравится, когда её периодически лупят копытом, перемазанным навозом. А её све-кровь, которая к коровам привычна, не менее периодически бывает не в состоянии доить корову, оттого что не стоит на ногах по известной и широко распространённой в деревне причине.

Человек плохо представляет своё будущее, иногда это плохо, иногда не очень... Кому как повезёт. Муж стал убеждать меня ту корову купить. Представляешь, мы её летом доим, сидим с полными умывальниками молока, дети сыты, мы спокойны, потом её того... ножом по горлу, и всю зиму с мя-

сом... Экстаз!

Я неделю вопила, что это невообразимый бред. Да я всю жизнь, завидев корову на горизонте, сворачивала как можно дальше, чтобы не столкнуться с ней ближе, чем в полукилометре. Я коров боялась до судорог. Но муж мой человек настойчивый, если ему вожжа под хвост попадёт, остановить его трудно.

В общем, слаб человек, и я не устояла. Ещё неделя переговоров насчёт условий покупки, и вот настал страшный миг – глава семейства предстал перед взорами взволнованного колхоза, а за ним на верёвке безразлично тащилась она... Наша корова.

А, чуть не забыла. Дня за три до торжественного момента мы поехали в деревню, где жила знакомая бабуля, которая под коровой, можно сказать, выросла во всех отношениях. Из-за того, что она в юном возрасте сбежала после одной безумной бомбёжки с фронта, где рыла окопы, она так и не решилась высунуться из деревни, осталась необразованной, всю жизнь в колхозе дояркой оттрубила.

Замечательная бабуся, нам она очень нравилась, похоже, мы ей тоже. В минуту слабости от предчувствия грядущих ужасов мы кинулись к ней за консультацией. Тётя Маня радостно просветила нас, что есть специальные молитвы для установки коровы на новом месте. Мы записали их на бумажке под её диктовку, после чего, получив инструкции по применению молитв, вернулись домой в полной тоске и рас-

терянности.

Я-то точно была в ужасе, а муж, по-моему, только тогда начал понимать, в какую историю вляпался. Консультация бывалой доярки заставила нас вспомнить, что в деревне есть библиотека. Муж кинулся туда и обнаружил изрядное количество полезной литературы по самым разным отраслям сельского хозяйства. Никто, кроме нас, книжками по сельскому хозяйству не пользовался. А зачем, они же деревенские... Это мы, городские недоумки, ни хрена не знаем, а они знают всё.

Опять отвлеклась. Привёл муж корову, завёл в хлев, сидит такой гордый, прямо раздувается от чувства частной собственности. Корова у него своя есть... Сходили за соседкой, которая умела доить, чтобы она показала нам, как.

В результате поняли две вещи. Что соседка Наталья сама этой коровы боится до судорог, ибо об её дурном нраве были наслышаны все – в деревне все обо всём наслышаны. Мало того, выяснили, что она доит корову не так. В книжке по уходу за коровой на картинке было нарисовано, как доить правильно и как неправильно. Соседка доила щипком, пальцами, а не всем кулаком, как рекомендовала наука. Но корова стерпела, никого не лягнула, все остались целы и здоровы, можно сказать, счастливы.

До вечера, когда нам пришло время доить корову самим. Самой... Мне!.. Доить корову!.. Меня трясло от одного упоминания о ней! Нет, я готовилась морально изо всех сил. Не

помогало! Я боялась её искренне, всеобъемлюще и плохо соображала, что вокруг происходит, находясь в тумане ужаса предстоящего.

На семейном совете было решено идти на первую самостоятельную дойку всем кагалом. Я буду доить, а они – держать корову за все места, за которые только можно, чтобы она не лягалась. Хорошо... Вваливаемся гурьбой в хлев.

Муж привязывает корову за рога к здоровенному гвоздю в стене. Старший сын повис на коровьей шее для страховки головы, чтобы не оторвалась от гвоздя, младший страхует коровий хвост. Муж набросил на лягучую ногу верёвочную петлю, оттянул ногу кверху, чтобы корова не могла ею даже пошевелить.

Я трясущимися руками вымыла коровье вымя, кое-как вытерла и... Знаменательный момент! По-моему, я всё-таки успела выцедить из неё пару капель молока, честное слово, не могу точно вспомнить. Может быть да, может быть нет, неважно.

Просто до коровы в этот миг дошло, что её, наверное, сейчас будут живьём есть или ещё что ужасное случится. Чего там коровам в кошмарных снах снится? Она завопила, начала дёргаться, одновременно пытаюсь вырвать ногу из верёвочной петли, а голову – оторвать от привязи.

Когда полтонны живого веса в испуге стремятся вырваться на волю – это страшно. Я немедленно выпорхнула из-под коровы, вроде с ведром, а может, и нет, тоже не помню. Сле-

дом за мной разлетелись в разные стороны дети. Муж держался до конца, упорно мотаясь на верёвке вслед за дёргающейся ногой.

Ветхий хлев ходил ходуном, стены и пол шатались и тряслись, как при землетрясении. Коррида закончилась полной победой коровы, – она осталась в хлеву не доенной, а мы, трясясь, как в лихорадке, молча сидели за столом на кухне, с тоской глядя друг на друга.

На следующее утро я чувствовала себя приговорённой к смертной казни. Я понимала, что мне некуда деться. Проклятую скотину нельзя оставлять не доенной, а детей надо кормить. Но я не могла себя заставить отправиться на эшафот. Ноги не шли.

Муж толкал меня в спину до самого хлева. В дверях я остановилась, посмотрела на корову. Она обратила на меня тоскливый мутный взор, и я всё поняла. Я не буду её доить! Не буду! И не стала. Расстроенные дети бессмысленно бродили по дому, муж пытался меня уговаривать.

К вечеру я вроде согласилась попробовать ещё раз. Ну, надо её доить, надо, куда денешься! И дети, ты подумай о детях! Но корова в тот день снова осталась с молоком. Она негромко мычала вечером, сокрушаясь о своей горькой доле. Муж укоризненно, а дети со страхом и сочувствием бросали на меня вопросительные взгляды и тяжело вздыхали.

На следующий день я обнаружила, что похудела с перепугу на три килограмма. То есть штаны стали настолько яв-

ственно болтаться вокруг талии, что я отправилась на весы. Да, три килограмма за два дня, полных страха, недоумения и искреннего раскаяния.

Корова ходила не доенной несколько дней. Вымя раздулось, и было видно, что каждый шаг достаётся ей с мучительным трудом. Мы страдали, нам было её жалко до слёз, но боялись мы её намного больше, чем жалели. Первым не выдержал муж. У него вообще отношения со всякой скотиной были намного душевнее, чем у меня.

Он бегал по народу, иступлённо консультируясь. Народ, потешаясь, тем не менее, советы давал. Какой-то идиот гордо рассказал, что однажды ему доводилось доить в своей жизни такую бешеную корову, ну ей-богу, одновременно четырьмя ногами лягалась. Иначе зачем ему требовалось привязывать свою корову (если та существовала не только в его воображении) за каждую ногу к четырём столбам, вкопанным в землю?

Но нам было не до критического восприятия действительности. Наша корова уже почти неделю мучилась, мы мучились не меньше, может быть, даже и больше, вроде у человека сознание лучше приспособлено к страданиям, чем у коров. Трудно судить, вопрос тёмный...

Муж припёр из леса пару столбов, вкопал рядом с домом, подвёл к ним корову, привязал её задние ноги, сел и выдоил несчастное животное. Сейчас я склонна думать, что столбы оказались совершенно лишними. Корова настолько измучи-

лась, что ей было уже всё равно, кто её доит и каким способом, лишь бы подоил.

И вот ведро с молоком торжественно внесено в дом. Все прыгали и плясали от радости за себя, за корову, за благополучное разрешение тягостной ситуации. Корова быстро привыкла к мужу в качестве доярки, она его полюбила искренней любовью и тихонько мычала по вечерам, когда в своём хлеву слышала его шаги в скрипучих сенях.

Она прожила у нас два года. Потом, перед возвращением в город, её того... Да. Муж плакал, когда её пристрелили, утешаясь тем, что она даже не успела понять, что перешла в мир иной. Мясо мы продали, и нас потом попрекали, что оно оказалось жёстким, да что возьмёшь с двенадцатилетней трудяги?

Даже нам она успела родить двух телят, вскормила наших детей, которые два года хлебали молоко литрами, лопали творог, сметану, хлеб с маслом, сыр... Чёрт его знает, почему я вспомнила её именно сейчас? Я чувствую себя обязанной этой скотине и, если хотите, можете считать этот рассказ памятником нашей корове. Кроме меня больше некому увековечить её светлую память. Мне остаётся только надеяться, что все коровы попадают в рай.

Котик по кличке Котик

Элеонора Гранде

КОТИК по кличке КОТИК

Элеонора Гранде



Обложку создал в Photoshop Александр Пронин

Говорят, что души животных сами ищут своих хозяев. Я не верила, пока со мной не произошла эта история. Люди, которым довелось услышать о событиях, называют их мистическими.

*

«Никогда! Никогда больше не заведу домашних животных», – твердила мысленно, осматривая новенькую квартиру. Семь лет ждала. Взяла ипотеку, но попала в долгострой. И вот, наконец-то, в руках звенят ключи, витает в комнатах запах свежей краски. Как же хорошо я помню этот момент и своё восторженное состояние. И также быстро всплывают в памяти беседы с младшим сыном, тогда ещё трёхлеткой:

– Мама, давай заведём питомца.

– Какого питомца? – брови у меня враз стали домиком и поползли вверх.

– Щеночка, например, – промурлыкал малыш и попытался заглянуть мне в глаза.

– За щеночком надо ухаживать: кормить вовремя, вставать рано утром, водить на прогулку, лапы мыть.

– Тогда котёночка, ма-аленького такого, пушистого. Их не обязательно на улицу водить. Им можно лоточек поставить.

– За котиком тоже уход необходим. Лоток нужно чистить, потом мусор выносить. Вычёсывать, приучать о когтеточку

царапать ноготочки. Иначе все стены будут ободраны, – ответила как можно мягче, но сделала вид, что очень занята мытьём посуды.

– А братик завёл себе спаниеля, – ребёнок дёрнул меня за рукав и скуксился.

– Брат взрослый уже, самостоятельный. Охотник. И завёл себе подружейную собаку, – повернулась и утонула в чистой синеве распахнутых детских глаз. – Вот станешь самостоятельным, чтобы мог и за собой смотреть и за питомцем, тогда и поговорим.

– А когда я стану сам-а-стоятельным?

– Это от тебя зависит. Учись сам одеваться, вещи на полочку аккуратно складывать, игрушки убирать, за столом прилично себя вести. Может быть, годам к пяти...

Оказалось, что желание иметь домашнее животное стало сильнейшей мотивацией для ребёнка, стремлением освоить повседневные дела. Два года пролетели, я и глазом моргнуть не успела. И в день своего первого юбилея сын выдал:

– Мама, мне сегодня исполнилось пять, – он развернул ладошку, растопырив пальчики. – Я ведь стал самостоятельным?

– Конечно, ты очень многому научился, помощником растёшь, – ответила я, ещё не подозревая о подвохе.

– Значит, мы сможем завести питомца? – хитрая улыбка растянулась чуть не до ушей. – Ты обещала!

– А кого бы ты хотел? Определился? – я присела на кор-

точки и взяла в свои руки маленькие тёплые ладошки.

– Да. Я хочу рыжего котёнка. Мальчика. Он будет моим другом. И спать будет рядом. Я назову его Том.

Меня потрясла уверенность в голосе сына. Ошарашило то, что он даже кличку дал будущему питомцу и так подробно описал его.

Признаюсь, очень переживала, что у меня начнётся аллергия на шерсть. И беспокоилась за новенькую мебель, шторы, обои. Ведь коты так любят драть их. Но, обещания нужно выполнять. И мы принялись за дело.

Прошерстили сайты питомников. Побывали на двух кошачьих выставках. Пересмотрели новорождённых котят у всех друзей и знакомых. «Саша, да ты сам, как котик. Зачем маме ещё один?» – как-то пошутила бабушка. И все родные с её лёгкой руки стали называть ребёнка, – Котик. Саша только улыбался, прозвище пришлось ему по душе.

А поиски продолжались. Месяц пробегал за месяцем, но все увиденные котята были «не те». Сын восторгался, гладил, прижимал к груди. Но... каждый раз мы уходили со словами: «Это не он».

Наступило лето. Самое время для путешествий. Я решила исполнить давнюю мечту: побывать в одном из самых загадочных, мистических мест Южного Урала – Аркаиме. Лет десять думала об этом, но всё откладывала. И, наконец, купила тур выходного дня. Договорилась, чтобы за ребёнком присмотрела бабушка. Накануне отъезда, сидя за ноутбуком,

читала отзывы с предыдущих экскурсий турфирмы, листала фотографии. Санька подкрался незаметно. Заглянул из-за плеча.

– Это что?

– Аркаим, – я вздрогнула от неожиданности.

– А это? – он ткнул пальчиком в монитор.

– Это гора – Шаманка, а то гора – Любви.

– Я поеду с тобой, – твёрдо проговорил он.

– Ты маленький ещё, устанешь. Там нужно будет много ходить, – возразила я.

– Нет, я уже большой и сам-а-стоятельный. Возьми меня с собой. Я не буду плакать. Мы вместе будем ходить по горам и напитаемся там Лю-бо-ю-ю.

Я сдалась. Позвонила в турфирму. Удивительно, но буквально за несколько часов до выезда нашлось, «Как раз одно свободное место»: – так проворковал милый девичий голос в трубку телефона. Саша был рад. Мы быстро собрали вещи в рюкзак и отправились в путешествие. Бабушка наша только руками всплеснула.

Аркаим встретил нас яркими лучами восходящего солнца. Дружной компанией вся туристическая группа высыпала из автобуса. С восторгом мы наблюдали, как ослепительный диск неторопливо поднимается в синеву неба. Как плавно перетекают краски в облаках, смешиваясь словно на огромной палитре. И уползают сумрачные тени за горы. Потом загомонили разом, обсуждая увиденное.

Нужно сказать, повезло нам с группой и гидом, – молодым парнем-экстрасенсом. Получилась не просто экскурсия, а живое общение, духовные практики и горы... Весь день Саша ходил наравне со взрослыми. Не всплакнул ни разу. Делал дыхательную гимнастику, строил пирамидки из камешков. А пройдя по обратной спирали, выдал громко и чётко всей группе, что загадал желание, – встретить своего друга-котика, чем вызвал одобрительные улыбки да шутки взрослых. Я была приятно удивлена, что мужичок мой крепко держит данное слово.

Погода в Аркаиме непостоянная. Может несколько раз за день смениться. После обеда откуда ни возьмись набежали тучи. Хлынул тёплый летний ливень. Мы едва успели укрыться в вагончиках. Санька бухнулся на кровать. Реснички сомкнулись у малыша, он сладко причмокнул и спал ровно два часа, пока шёл дождь. Но последние капли, подобно прозвеневшему будильнику, подняли его на ноги. Он вскочил бодрый. Выбежал на крыльцо и закричал:

– Мама, смотри, радуга!

Я выглянула на улицу, ахнула от восторга. Двойная светящаяся дуга перекинулась коромыслом через небосвод. Ветер разгонял фиолетовые барашки задержавшихся туч. Тонкие лучи солнца ласкали землю, отражаясь бликами на мокрой гальке и жёлто-зелёной траве. Воздух, насыщенный озоном, хотелось пить.

Даже спустя годы, вспоминая путешествие в Аркаим,

я поражалась, насколько тонко чувствовал ребёнок это необыкновенное место. Они иные – нынешние дети, они – лучше нас. Их эмоции глубже и тоньше.

Вечером сидели у костра. Ели свежайший, пахнущий дымом и травами, шашлык. Пели под гитару. Слушали истории бывалых аркаимцев. Обсуждали воздействие духовных практик. Дети носились вокруг, верещали. Наотрез отказывались идти спать. Чтобы отвлечь их, гид тоном заговорщика прошептал:

– Детки, а вы котят видели?

Собрал всю ватагу и потащил их в полевую кухню. Мне пришлось идти с ними. Сын ухватил за руку и тянул за собой.

В тусклом свете лампы мы не сразу разглядели четвероногую семью. Рыжая кошка растянулась на земляном полу, её маленькие копии лакали из миски молоко. Гид рассказывал, что у кошки родились мальчик и три девочки. Они похожи друг на друга, потому что папа-кот тоже рыжий, но характеры у всех разные. Такое солнечное семейство. И тётеньки-повара подкармливают их. А я почувствовала, как мой малыш задрожал всем тельцем. Крепко сжал руку и, указывая на одного из пушистых комочков, воскликнул:

– Котёнок, мама, котёнок! Это он!

– Который из них? – Я присела на корточки.

– Вон тот, смотри же! Можно мне его взять?

– Малыши сейчас кушают, а потом пойдут спать. И детям пора в кровати. – В кухню зашла дородная женщина, стар-

ший повар. – Утром придёте на завтрак и снова их увидите, даже покормить сможете.

– Мама! – Санька с мольбой смотрел на меня.

– Мы хотели бы взять одного котёнка себе, – обратилась я одновременно к гиду и повару.

– Ну... если водитель автобуса разрешит и члены группы не будут против, – протянул озадаченно гид.

– Да, мы только «за»! – махнула пухлой рукой женщина. – Рады будем, если котят разберут хорошие люди. Зимы-то аркаимские лютые. Может не выжить молодняк. А вы которого себе присмотрели?

– Вон того! – сын потянулся к одному из пушистых комочков.

– Ой, а вот с этим проблемка будет, – женщина вздохнула. – Мальчика мой внук хотел забрать. Дети ко мне приехали на выходные.

– Вот только плакать не надо, – шепнула я на ушко Саше, увидев наворачивающиеся слёзы. – Пошли спать, утром с котиком встретишься. Завтра у нас ещё целый день походы. И с водителем договориться нужно.

– Мама-киса, – вдруг обратился Санька к кошке, – если ты отдашь мне своего сыночка, я его буду любить и ухаживать за ним. Обещаю.

Кошка взглянула на ребёнка, прищурила глаза и продолжила умываться лапкой. Я обняла малыша. Потом мы вернулись к ярко пылавшему костру. Тихо звучала гитара. Кто-

то тронул палкой поленья, и сноп искр взметнулся в черноту бесконечных небес.

Сбиваясь от волнения, объяснила группе ситуацию. Видно, само место к тому располагало да озвученное днём вслух детское желание. Прониклись люди и поддержали. «Мечты должны сбываться, особенно у детей», – говорили, – одни, кивали с улыбкой, – другие.

Водитель, пожилой мужчина, положив натруженные руки на Сашкины плечи, произнёс:

– Ничего, доберёмся домой. Ночь всего ехать. А ты, пацан – молодец, нашёл своего друга.

Мы ещё погуляли немного по базе. Смотрели на звёздное небо. Говорили о будущем питомце. Я потихоньку подводи-ла сына к тому, что котика может забрать другой мальчик, – внук поварихи. Он первым сказал о своём желании. Тогда мы могли бы взять кошечку-девочку. Но Санька даже слы-шать об этом не хотел и отвечал, что мама-киска согласилась отдать ему своего сыночка. Эмоции понемногу улеглись, и мы отправились спать.

Утром нас ждали цветущие кувшинки и водяные лилии в реке у подножия горы, – Любви, арт-терапия на её верши-не. Гид разложил баночки гуаши прямо на траве и раздал всем по квадратному листу картона. Тема, – нарисовать то, что чувствуешь. Саша увлечённо накладывал мазками яркие солнечные цвета. Любовь и счастье.

Когда мы вернулись на базу, встретили давешнюю жен-

щину-повара. Она неслась нам навстречу, махала руками:

– Ну что, вы котёнка-то брать будете? Я вам и коробку нашла, чтоб удобней везти было.

– Да, будем! – закричали мы в ответ.

– Ой, знаете какое дело приключилось? – она подбежала и не могла отдышаться. – Тут тако-ое... Дети-то мои собрались уезжать. Внук пошёл за котёночком, а его и след простыл. Всю базу перевернули, а найти не могли. В общем, внук взял кошечку со словами: «Значит, – это моя киска, никому не отдам». С тем они уехали. И как только машина за поворотом скрылась, появился котик. Вот скажите-ка, и откуда вылез? Всё ведь пересмотрели! – она развела руками. – Сейчас котята в кухне. Накормлены. Так что идите, – любого выбирайте.

Войдя в помещение, мы увидели забавную картину: один котёнок лежал рядом с миской на спинке, выпятив сытый животик, второй бегал вокруг, охотясь за солнечным зайчиком, а третий?... третьего не было.

– Опять сбежал? – повариха в недоумении всплеснула руками.

Саша окинул взглядом комнату. Молча полез под шкаф с посудой.

– Ты куда? – Я хотела поднять его с земляного пола.

– Вот мой котик! – он выполз и встал со счастливой улыбкой, прижимая к себе рыжий пушистый комочек.

– Ну, надо же, – женщина всхлипнула и смахнула уголком

фартука непрошеную слезинку. – Выходит, ждал он тебя.

– Спасибо Вам большое, – я положила купюру на стол. – Это котяткам на молоко. Пойдём собираться? – Повернулась к сыну: – Пора домой возвращаться.

– Да-да. И у нас поверье такое есть: чтобы питомец прижился, нужно денежку хозяйке дать, – весело приговаривала повар, вручая мне картонную коробку из-под печенья. – Вот, значаца, хозяйством обзавелись. Удачной дороги вам.

Санька, ошалевший от радости, только кивал.

Так, в жизни нашей семьи появился аркаимский друг. Кажется, и мир преобразился. Всё сбылось, как мечтал сын. Его питомец рыженький с янтарными глазами. Они неразлучны. Кот спит на кровати, сворачиваясь клубочком у детских ног. Если ребёнок простужается и кашляет, рыжий становится лекарем, перебирается поближе к груди. И друзья спят в обнимку.

Из пушистого комочка вырос большой солидный кот. Он забирается на письменный стол, когда Санька делает уроки. Наверное, хочет стать учёным. С нетерпением ждёт возвращения друга из школы. Бежит встречать у входной двери, подняв трубой пушистый хвост. Нервничает, когда Саша моется в ванной, мяукает и норовит его лапой вытащить. А уж если ненароком в воду свалится, несётся во весь опор, разбрызгивая на ходу капли и хлопья пены. Скользит по ламинату с диким: «Мяв!» Бросается ко мне с недовольным ворчанием, словно сетует, что не выйдет из меня путёвой кош-

ки. С его точки зрения, – купания и вычёсывания давно пора запретить.

Вот только откликается на кличку, – Котик. Не реагирует ни на Тома, ни на Огонька, ни на Рыжика. И когда я зову завтракать: «Ко-оти-ик!», на кухню бегут оба: Саша по прозвищу, – Котик и котик по кличке, – Котик. Детскую я теперь называю комнатой котов-художников. Почему? Это уже другая история.

Мурка

Элеонора Гранде

Элеонора Гранде

МУРКА



<https://viewer.desygnner.com/pGRntGCBgzZ/>

Бумер нёсся по мокрому асфальту. В открытое окно врвался ветер, наполненный ароматами леса, грибов и приближающейся осени. Короткий ливень смыл с травы и деревьев придорожную пыль. Берёзки поблёскивали на солнце свежестью ещё зелёной листвы с первыми кляксами нежного золота приближающейся осени. На заднем сиденье мирно посапывали Пашка с Рыжим.

Гарик чуть убавил звук авторадия. Горыныч – крутой, Бумер вот взял, – чёрный. Как положено нормальному пацану. С присущей ему армянской деловитостью и коммерческой хваткой поймал волну начала девяностых и открыл в областных посёлках ларьки с палёной водярой и дешманским красненьким. Периодически привлекал нашу весёлую троицу развезти марсы-сникерсы, сигареты и бабло собрать.

Ну а что? Работа не пыльная. Бывало, что с местными цапались. Да Пашка с Рыжим быстро себя уважать заставили. Они одноклассники, в моей школе учились, только на два года старше. Да и жили мы в одном дворе. Оба по весне вернулись из армии. Служили в ВДВ, были в горячей точке. Решили лето погулять, отдохнуть, потом определиться с дальнейшей житухой. А мне осенний призыв светил, вот парни меня и взяли под своё крыло. Наставнички, ёшкин кот.

Меня всегда удивляло, как эти двое, такие разные, уживались. Дружили с начальной школы, – не разлей вода. Кто

Пашке кликуху – Малой, дал, ума не приложу. Здоровый, го-
ра мускулов, на кулачищи смотреть страшно. Но спокойный,
как удав. Или русский медведь: его не тронут, – первым не
ползет. Не, Толян тоже не маленький. Но жилистый, вёрт-
кий, злой. И не то, что рыжий, он – огненный. А солнце его
не стесняясь целовало... везде.

Мы свернули с трассы. Гарик сбавил скорость почти до
минимума. Бумер полз между рытвин и кочек, тяжело пере-
валиваясь и вздыхая будто живой. Остановились. На участке
дороги асфальт отсутствовал напрочь, а ливень размыл и без
того глубокую колею.

– Вот же чёрт, – Гарик хлопнул в сердцах по кожаной
оплётке руля.

– Чего стоим? Кого ждём? – сладко потягиваясь, пробасил
Пашка.

– Сам посмотри, – огрызнулся наш босс.

– О-о! – протянул Малой, вылезая из машины. – Да тут не
просто дед-асфальтоед с многочисленным семейством про-
живает, он ещё и гостей приглашает попить.

Я невольно хмыкнул.

– Ну, чо застыли-то? – это проснулся Толик. Вышел, мель-
ком глянул на дорожное бедствие. – Давай, Горыныч, двигай.
Помаленьку. Влево забери, подтолкнём если что. Выползай
Миха, развалился, как барин.

Мне ничего не оставалось, как выбраться наружу, шмякая
по чёрной земляной жиже. Новых кроссовок было откровен-

но жаль. «И всё-таки хорошо», – подумал, глубоко втягивая густой и сладковатый дух августовского леса.

– Малой, бревно вон то положи в колею, – продолжал командовать Рыжий, пробираясь вперёд. – Ага, вот так. Гарик, давай на меня. Во-во. – Замахал руками.

Скрежет разорвал тишину, бумер задел брюхом вывороченный кусок асфальта. Из машины послышалась отборная ругань хозяина. Но в следующий миг стальной конь уже выскочил на более сухой и ровный участок. Прокатившись немного вперёд, остановился. Гарик высунулся из окна, махнул:

– Поехали!

Обтерев о мокрую траву обувь, мы уселись в салон. Продолжая бурчать себе под нос что-то совершенно неприличное о дорогах, Гарик врубил музыку погромче. До посёлка оставалось километров двадцать.

Доехали без происшествий. В первом же ларьке миловидная длинноногая девушка-реализатор напоила нас горячим чаем, пока Гарик проверял записи в большой амбарной книге и считал выручку. Толик строил ей глазки, беспрестанно говорил комплименты, уламывал «на погулять». Та смущённо отшучивалась, не решаясь ответить мужчине резко. Неожиданно Толян схватил девчонку за тонкую талию и резким движением дёрнул на себя, усадив на колени. Она взвизгнула, стала вырываться.

– Руки убрал, – рыкнул Гарик, не поднимая головы от бу-

маг.

– Ой-ой, – заёрничал Рыжий, но девушку отпустил, показывая вслед «козу», – ути-пути.

– Харэ баловать!

Малой положил ему на плечо тяжёлую лапищу.

Девушка отошла в дальний угол, обиженно всхлипнув. Гар в полнейшем спокойствии закончил с бумагами. Подо-звал продавщицу, выдал ей зарплату. Сверху положил ещё купюру, тихо произнёс:

– Это за неудобства.

– Ты где таких тёлочек берёшь, Горыныч? По ней подиум тоскует, любовь плачет, а девка на тебя батрачит, – хохотнул Толян, оглядываясь на ларёк, когда мы отъехали.

– Места рыбные знать надо, – буркнул шеф. – А баб моих не тискай.

– А то чо! – взвился задира.

– А то распугаешь весь персонал, а мне потом снова на-бираться. Думаешь, в деревне это просто?

На веснушчатых скулах заиграли желваки, наш взбал-мошный друг отвернулся к окну, но спорить не стал.

Второй ларёк располагался за железнодорожным переездом. Охряный "Москвич" взревел и погнал вперёд. Шлаг-баум, раздражая медлительностью, опустил перед носом незадачливого гонщика.

– Ибо неча ведру с болтами, – скалясь, констатировал факт Толик.

В ожидании проходящего состава вытянулась длинная вереница разношёрстных машин. Бумер стал в хвост и был похож на коршуна, высматривающего добычу: какую бы пеструшку долбануть. Вдоль очереди шёл старик. Опрятный, в простых рабочих штанах и тапках на босу ногу. В его движениях сквозил испуг. Дедок наклонялся к окнам авто, что-то быстро говорил, указывая в сторону домов. По губам можно было угадать слово: «Помогите». Но люди отмахивались, как от назойливой мухи.

– И здесь попрошайки завелись, – горько вздохнул Пашка.

– Что это Семёныч тут делает? – Гарик вглядывался в тревожное, старческое лицо.

– Что завсегда-тай зланных мест великого босса? – ехидно повернул Рыжий.

– Да нет, – спокойно ответил тот, – нормальный мужик, с пенсии за сахаром и макаронами приходит. У него своего самогона хватает.

– Конкумент?

– Не-а, он на травах настойки делает. Классные, кстати. Я у него «Ореховку» покупаю.

– Ты? Пойло покупаешь? – его брови от удивления взметнулись рыжими стрелами.

– А что? На вкус, пожалуй, лучше французского коньяка, почти как армянский, – щёлкнул пальцами и расплылся в улыбке шеф. – Я настойку отцу беру. Он суставы лечит. Говорит, помогает. И от желудка тоже. – Подмигнул и рас-

хохотался.

Старичок, завидев чёрный бумер, ускорил шаг. Поравнялся, пригнулся, чтобы постучать в окно. Горыныч опередил его, опустив стекло:

– Семёныч, ты чего здесь?

– Гарик, как я рад! – глаза деда засияли, морщинки разбежались ласковыми лучиками. – Помогите, будьте так добры. Мурку спасти надо. Мне одному не сдюжить, стар больно. А я вам баньку истоплю.

– Слушай, Семёныч, давай, мы до ларька на той стороне метнёмся, а потом к тебе.

– Утопнет она, – глаза старика наполнились слезами. – Мурка моя.

– Где утопнет?

– Опять кто-то крышку колодца стащил, видать, на металлолом. Она и бухнулась. Не достать мне её, бедную.

– Дед, давай мы тебе новую привезём, – занервничал Толян. – Чо их мало по улицам шастает?

– Не надо мне другую. Она ведь одна у меня осталась. Кормилица.

– Мышкует? – хохотнул Рыжий.

– Гарик, помогите, бога ради, – взмолился старичок, не обращая внимания на колкости.

– Садись, Семёныч. Подвинься, Толь, – вздохнул Гарик, выворачивая баранку.

Дед Антон жил недалеко от переезда в небольшом, но

ладном домишке, выкрашенном зелёной краской, с белыми окошками и палисадником. Мягко зашуршал гравий под колёсами авто, когда бумер въехал на площадку перед воротами. Мы вышли, разминая затёкшие ноги.

– Мурка, ты мой Мурёночек, – пропел Рыжий, комически выделывая коленца и прихлопывая ладонями.

– Угомонись, а? – малой хрустнул бычьей шеей. – Показывай, дед, где пропажа?

– Вон там, милоч! – старик указал на открытый канализационный люк, зиявший чёрным провалом через пару дворов от нас.

– Та-ак, – протянул Толян, – то есть колодец ещё и не с водой...

Специфический запах мы почувствовали на подходе.

– Фу-у-у! – Я не выдержал и зажал нос. – Как её туда угораздило?

– Ливень ведь какой был, она и соскользнула, видать, – в голосе старика звучали виноватые нотки. – Испугалась молнии, верёвку оборвала и тикать. Бегун-то из меня уже никакой. Я потому и в стадо её не отгоняю, что забирать тяжело. Вот, привязываю к колышку. Она уж всю траву поела по улице, полоть не нужно.

– Это ещё и не кошка, – малой почесал затылок.

Мы стояли и тупо смотрели вниз, в зияющую черноту старой канализации. Цепляясь передними копытами за выступы в разбитой кирпичной кладке, среди дождевой воды и

фекалий тянула к людям морду несчастная корова. Мокрая шкура тащила её вниз. Силы у коровки были на исходе. Она дрожала от холода и напряжения.

– Му-у!

Я впервые видел, как из глаз животного текли крупные горькие слёзы.

– Мурка, милая моя, потерпи ещё немного, – старик рухнул на колени, всхлипывал и пытался дотянуться до рогов.

– Что делать будем, а парни? – Гарик опомнился первым.

– Слышь, Толян, – окликнул друга Пашка.

– Я не полезу, – огрызнулся тот. – Чуть что, так все рыжие крайние.

– Да, погоди ты, солнцем в задницу целованный. Помнишь, как Кабана вытаскивали из ущелья?

– В старшине сто двадцать кг было, и он человек, не забывай, сам карабкался. А в этой скотине центнера четыре, не меньше.

– За рога нельзя тянуть, – дед утирал морщинистой рукой непрошеные солёные капли. – Так шею свернуть можно. И на шею верёвку нельзя, затянется ненароком.

– Горыныч, а ты чо не сказал, что Муркой корову зовут? – Рыжий цвиркнул слюной сквозь зубы.

– Не, нормально? Ты думаешь, я всех тёлочек в этой деревне по имени-отчеству знаю? – возмутился Гарик.

– Семёныч, верёвки есть? Тряпки ненужные и переодеться, если что на меня найдётся, – глядя на корову, произнёс

Малой.

– Я сейчас, милоч, мигом, – старичок заковылял в сторону дома.

– Сам полезешь? – вздёрнулся Толик.

– Кто кроме нас?! – усмехнулся Павел. – Из нас троих я покрепче буду. Глянь, люк стандартный, не знаю даже, как корова в него прошла. А сам колодец большой, военных времён ещё. Видишь, какое пространство внутри. Но глубоко, судя по тому, что жижа коровке до холки достаёт. Короче, я спускаюсь, обвязываю животину. Вы цепляете петлю за трос. Гарик за руль. Возьмёт скотинку на буксир и двигаем помаленьку. Вы с Михой за передние ноги тащите и координируете, чтобы корова не упиралась. Я снизу подсажу.

Дед принёс кучу старого тряпья, верёвки, рабочие рукавицы и... комбез химзащиты.

– Ого! Из разряда «в запасе всё сойдётся», – воскликнул Пашка, разделся до трусов, поиграл бицепсами и натянул химзащиту на голое тело. – Из всей кучи, пожалуй, только это мне и подойдёт.

Мы с Рыжим выбрали то, что пришлось по размеру. Сложили в бумер свои спортивные костюмы. Гарик сел за руль, сдал задним ходом машину поближе к злополучному колодцу. Пашка, чертыхаясь, слез внутрь канализации. Мы слышали, как он строгим голосом делал внушение животине, перемежая русские слова непереводаемым армейским жаргоном. Обмотал коровьи рога ветошью. Обвязал верёвкой

Мурку наподобие шлейки и прикрепил буксировочный трос.

– Вира по малу! – прогудел из-под земли басом.

То ли подействовало на корову Пашкино внушение, то ли испуганное животное так верило людям, но она старалась помочь спасателям и вовсе не упиралась. Через четверть часа мучительных попыток Мурка ткнулась мордой в плечо хозяина. Ноги её дрожали, с мокрой, дурно пахнущей, шкуры стекали экскременты. Старик, обхватив её за шею и причитая, повёл отмывать на огород из летнего водопровода. Мы скинули Малому лестницу. Он выбрался, наконец-то, из люка и заржал, тыча пальцем в Толика.

– Тво-ою ж дивизию!

Рыжий оглядывал себя, разведя руки в стороны. Посмотрел на нас и залился заразительным смехом, указывая то на меня, то на Пашку. Я захохотал вслед за ним.

Когда мы гуськом зашли во двор, чистая, лоснящаяся на солнышке Мурка мирно жевала сено. Увидев нас, замычала. Внутри ёкнуло. Даже скотинка может быть благодарной. Из трубы баньки шёл дым. Семёныч гремел вёдрами. Гарик единственный, кто не вляпался в дерьмо, рубил дрова.

– А ты чо, шеф, и дрова рубить умеешь? – изумился Толян.

– Ага. И воду носить, и печку топить, и кашу варить, пока некоторые непонятно в чём валяются, – отшутился Гарик. – Кидайте тряпьё в корыто. В летнем водопровode вода холодная, но, если надо кому, можете ополоснуться. Баня скоро

будет готова.

Вечерело. Малиновый закат взрывался в небе оранжевыми языками костров. Мы сидели на веранде, распаренные, завёрнутые в свежие простыни, что выдал нам Семёныч. Хлебосольный хозяин потчевал отварной молодой картошкой, огурчиками-помидорчиками со своего огорода, хрумкими груздочками, холодным квасом и знаменитой на весь посёлок «Ореховкой». Благодарил через слово. Захмелевший Толян брякнул невпопад, за что получил под столом жёсткий пинок от Гарика:

– Семёныч, а супруга, дети где?

– Не дал нам Господь ребятишек, всю жизнь с женой так бесчадными и прожили. Аннушка моя, царствие ей небесное, прошлой осенью меня покинула. Вот мы с Муркой и коротаем свой век.

Малой поднялся из-за стола и вышел, не сказав ни слова. Я последовал за другом. Он сидел на крыльце, упёршись взглядом в догорающую полосу вечерней зари. Большой русский медведь, обхватив себя за плечи, скулил как побитый щенок. Я молча присел рядом.

– Мать ведь меня без отца растила, – тихо произнёс Пашка. – Туберкулёз у неё. Кашляет сильно. Я узнал, только когда дембельнулся. Молчала ведь, всё на себе тянула. А вдруг... – Он осёкся.

– А ты, сынок, вези её сюда, – раздался сзади голос Семёныча. – Свежий воздух, молочко, настойка есть у меня знат-

ная на травах.

*

Машина неслась по мокрому асфальту. Не бумер, конечно. Отец подарил мне свои Жигули. И время не то, полуголые деревья роняют золотые листья. Дворники лениво смахивают с лобового стекла тоскливые осенние слёзы. Я отслужил, тоже был в горячей точке. Не знаю, вернулся б я или нет, если бы не советы добрых друзей. Наставления старших начинаешь ценить, когда прошёл определённый жизненный путь. Или побывал в их шкуре.

Я ехал к Пашке. Вернулся и узнал, что в прошлом году Гарика застрелили из дробовика в одном из дальних посёлков. Рыжий ушёл из жизни от передоза. Малой единственный, с кем я мог встретиться и поговорить по душам.

Он поступил правильно: перебрался с больной матерью из города к Семёнычу. Старик выходил женщину своими снадобьями да свежим Муркиным молочком. Малой женился, у него растёт сынишка. Жизнь – такая штука... непростая. Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

Маргышка и бобёр

Элеонора Гранде

Элеонора Гранде

Александр Пронин

басня

Мартышка и Бобёр



Картинка взята с сайта Desygnner.com бесплатно, разрешена для использования в коммерческих целях.

Мартышка весело скакала,
да песенки всё напевала.
И на хвосте она каталась,
да над бобром во всю смеялась.

– Зачем пушистый строишь дом?
– Да я хочу укрыться в нём, —
сказал Бобёр, свалив бревно.
– Сыграем лучше в домино!

Как было весело примату!
Бобёр молчал, да строил хату.
Внезапно сильный дождь пошёл,
Бобёр укрыться предпочёл.

Мартышка мокрая дрожала
и в дом к Бобру проситься стала.
– Здесь место лишь для одного,
зачем смеялась надо мной?
Постой-ка под дождём подольше,
Кто мало говорит, тот делает больше².

² Кто мало говорит, тот делает больше – поговорка.

**Посвящается первому
из рода КОТОВ...**

Таня Стар



ТАНЯ (ТАР)

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ПЕРВОМУ ИЗ РОДА КОТОВ...

*Обложка создана при использовании ИИ Кандинский.
Правообладатель ПАО Сбербанк. Все права защищены.*

Эта история о самом ленивом коте не выдумка. Он и сейчас, лёжа на диване, бороздит мысленно просторы Вселенной или ещё чего-то там.

Рыжая полосатая кошка, сродни масти тигрицы, – окотилась и, зализывая родовые раны, полагала, что все котята явились на свет.

Вдруг нежданно-негаданно высунулась голова последнего из помёта. Шмякнувшись оземь, малыш чуть слышно запищал: «Здра-асти! Не жда-али?» – дрожал его голос.

Первая претенциозная мысль последыша, а это был кот, сформировала неуживчивый характер у новоиспечённого жителя планеты Земля. Представ впервые пред роднёй, он первым делом высказал всё, что думает о них:

– Вы, родственнички, совсем озверели! Почему меня никто не разбудил? Как вы могли оставить меня, беспомощного, в полной темноте? Хотя бы в бок толкнули, что пришла пора предстать перед мамой. Я родился последним. Это факт. А значит, я самый маленький и вы обязаны мне во всём помогать. Предатели! – крепыш выговорил сложное слово по слогам и бубнил, бубнил, стеная родню: – Я делил с вами место в мамкином животе, а вы, хлебнув воли, немедля забыли обо мне. Мало того, что притесняли, толкались, почём зря, а

потом в самый ответственный момент бросили на погибель. Вот чуток подрасту, – отомщу вам.

Оказалось, что малыша хлебом не корми, а дай поскулить.

С такими лукавыми мыслями уродился плутоватый и знаменитый байками кот.

Мамаша тем временем почистила отщепенцу шерстку, тщательно вылизав его, как и остальных полосатиков.

В надежде подкрепиться, он, встав на дрожащие лапки, с силой растолкал уснувших братьев и сестёр и примостился к тите. Дотянувшись до заветного соска, малыш отчаянно тягал его из последних сил. Но титя оказалась пуста. Сороди-чи не оставили ему ни капли еды. Донельзя намаявшись с добыванием молока он, чтобы не умереть от голода, повис на мамке, вцепившись будто вошь, чтобы позже, как следует подкрепиться. Перед тем как уснуть, он строил планы:

– Пусть сейчас и пустая мамкина титя, но моя. Я теперь первый, кто досыта поест молока.

Отогревшись в пушистых объятиях кошки, потомок всё же забылся сном и, посапывая, тешился надеждой натрескаться до икоты. Тёплое мамкино пузо, было для него всем миром. Котёнку приснилась круглая, как арбуз, молочная железа. Он был настойчив в желании опустошить её первым. В дрёме он, то отчётливо слышал храп, то попискивание неблагосклонной к нему родни. Всю ночь у него сводило живот от голода, и он окончательно пробудился, и с жадностью потягал мамкин сосок, из которого полился нектар

– жирное молозиво. Сладёна в жизни ничего вкуснее не ел, потому что вообще ещё не ел. Усердно работая челюстями рыжик, наскребав напёрсток еды, насытился и уснул. Отвалившись, словно насосавшийся крови клещ, он уступил место брату. Котёнок не просто уснул, а спал прямо-таки мертвецки, хоть куда хочешь уноси его, – не услышит.

Он бы рос счастливо, но всегда совал нос во все дыры. Из-за чрезмерного любопытства малыш часто влипал в неприятные истории. Борьба за выживание и место под солнцем научили его быть стойким к невзгодам и выносливым к голоду. Спустя десятилетие темперамент кота поутих, интерес к неизведанным далям канул в лету, и на смену пришли философское спокойствие и отрадная лень.

Теперь этот жирный, потерявший талию кот, жил только мечтами и воспоминаниями о былом. В зрелом возрасте его лень достигла такой абсурдной глубины, что он ел бы даже лёжа у миски. Если бы не естественные надобности, он так и валялся бы у порога, урча под нос любимые песни. Чаще всего размышления славного кота сводились к главной мысли: «Если бы я был...».

Итак, вот вам рассказ от первоисточника.

*

Начну сегодня с непривычно жутких историй пращуров. Как же без них. Дайте мне пару минут, чтобы структурировать мысли.

Послушайте притчу о том, как появились коты.

Тысячу лет назад пришёл человек к богу и упал ниц, дабы не осквернить взглядом святой лик. Непрестанно талдыча под нос прощение за беспокойство, он целый час лбом долбил пол, пока на месте ударов не вздулся шишак. Богу надоели самоистязания посыльного, и он его спросил:

– Чего ты хочешь, раб божий?

Тот трясущимися руками подал Всевышнему челобитную и протараторил:

– О, Господи! Защити мой, полный провианта, ковчег от крыс. Они заполонили судно и шныряют по всем углам...

Ещё долго он стenal о своих страхах и несчастье, пока не понял, что ответа не последовало. Тогда мужик поднял голову, заткнулся на пару секунд, перекрестился, поклонялся дюжину раз, не вставая с колен, и решил, что, наверное, слишком мало и слабо бил челом о пол у ног Отца. И продолжил челобитную с рвением. Однако, не рассчитав силу, он с маха саданулся головой о гладко отшлифованный мрамор и вмиг обрёл косоглазие. На месте удара вспух второй гузак и засинел. Потерев место ушиба, он вернулся в исходное положение. Склонив голову, он почти сложился вдвое и, соединив ладони перед грудью, стал причитать:

– Грызуны опустошат все съестные запасы в трюме, пока я доберусь до берегов Индии, и матросы умрут от голода.

Бог прокашлялся и посоветовал:

– Будете крысами питаться...

Человек приподнял торс, воздел руки и взмолился:

– Спаси! Господи! Торговцы ждут мой товар... – и тут его снова понесло.

Господь ударил ногой об пол. Установилась гробовая тишина. Человек испугался и стал мерно раскачиваться, будто маятник. Достигнув амплитуды неустойчивости, окосевший от горя проситель, потеряв равновесие, завалился на бок, но не упал, потому что успел опереться на руку. Обезумевший от горя, он подполз на коленях к ногам Владыки. Затем поднялся, опираясь на хитон бога, пригладил длинные взлохмаченные волосы, скрестил руки на груди и, не поднимая головы, зашагал перед носом Господа, – туда-сюда.

Бог следил за человеком, пока тот не закружил ему голову. Пошатнувшись, Владыка ступил на пару метров в сторону, чтобы бедолага не врезался в него. Капитан же начал озвучивать здравую мысль, не прекращая мельтешить перед всевидящим оком:

– Я полагаю... – осмелев, он мельком взглянул на святой лик старца, почесал затылок и продолжил: – что грызуны от обильной кормёжки, будут плодиться быстрее блох.

– Вряд ли... – ответил бог и, отзеркалив попрошайку, – почесал затылок.

Оба замолчали. Пауза затянулась. Раб ожидал решения, глядя в светлые глаза Повелителя. Ему было уже всё равно, где погибнуть. А старик, оглаживая бороду рукой, бормотал что-то невнятное. Человек же, была не была, пояснил:

– К концу путешествия на корабле останутся только пол-

чища крыс! – перед глазами мужика всплыла обрисованная им картина заполнения посуды пасюками. Торговля была единственной материальной опорой для семьи торговца.

Бог выглянул в окно, окинул взглядом царство-государство и по-доброму возразил:

– Все божьи твари хотят плодиться, не так ли?

Человек кинулся к ногам бога с лобызаниями и, цепляясь за одежды и сандалии, рыдая вопрошал:

– Помоги, Господь мой! Помоги...

Озадаченный мольбами коленопреклонённого подданного, бог, пожимая плечами, отступал под натиском раба, пока спиной не упёрся в колонну.

Дилемма в том, что Всевышнему было жалко всех божьих тварей и человека в том числе. Он бы обратился за помощью к начальству, да умнее и выше по статусу никого не было. Он прогулялся по периметру роскошного зала, вышел на балкон и полил из лейки кактусы, которые вмиг расцвели алыми цветами. Покормил птиц, наградив их птенцами. Встряхнул облака, чтобы полил дождь. Жизнь внизу обрядилась в яркие краски. Затем хозяин метнул молнию, чтобы разжечь камин. Вернулся к капитану и громогласно оповестил:

– Эврика!

Человек замертво лёг от силы голоса. Бог подскочил к упавшему и ударил его по груди в месте, где трепыхалось сердце. Горемыка тут же ожил.

Мысль создателя была великолепна. Взъерошив руками

тугие многовековые кудри, он снова громыхнул, прикрыв рот рукой, дабы снова не убить просителя:

– Так тому и быть!

Мужик, думая, что прогневил бога, от страха закрыл голову руками, чтобы её не лишиться.

– Помогу тебе! Так и быть... – Творец поднял с пола напуганного мужичка. – Моя новая идея безупречна. Я решил, что пора сотворить новое существо.

Боженька щёлкнул пальцами и перед ними явился лев. Когда тварь оскалила пасть, показав острые клыки, он и сам вздрогнул от неожиданности. Зверь зевнул до корня языка и уставился на капитана, пронизывая его взглядом. Тряхнув гривой, животное нацелилось подойти ближе и дерзко зарычало. Мужик подпрыгнул и, вжав шею в плечи, чуть не испачкал штаны. Царь зверей брезгливо скорчил мину, когда смрадное облако, выпущенное человеком, достигло его чуткого носа. Впервые тварь пожалела о том, что обладает острым нюхом. Бог хохотнул в седую бороду и, с хитрым прищуром, понаблюдал за питомцами. Оценив по достоинству горделивую осанку звериного тела, состоящего из одних мышц, он по-отцовски похлопал мускулистую спину храброго хищника, который всё ещё свирепствовал, что его напрасно беспокоили. С жадностью глядя в сторону провианта, свалившегося в полуобмороке на пол, зверь в два прыжка оказался рядом. Бог жестом остановил льва и, нагнувшись над ним, прошептал в чуткое ухо:

– Будет тебе рычать! – и крепко ухватил разъярённого льва за космы. Удерживая сильное животное, он, указав на готового к прыжку зверя, предложил: – Вот! Отличный экземпляр! Капитан, забирай этого мерзавца на борт. Эта тварь защитит провиант от крыс и воров... Гляди, какие мускулы!

– Боже! Пощади! – мужчина бросился к ногам бога и, прослезившись, умолял: – Этот отважный голодный зверь вмиг сожрёт мою команду заодно с крысами!

Господь задумался и, чтобы лучше мыслилось, устремил взгляд в небо. Ещё полчаса он побродил по апартаментам. Практика ни раз доказывала, что, когда перебираешь ногами, в светлую голову приходят умные мысли. Сумасбродный проказник и выдумщик бог, спустя время, ответил:

– Думаю, что ты прав, человеке... тогда вот что...

Владыка захватил из холщового мешка горсть острого перца и взмахом руки сыпанул в ноздри оскалившемуся зверю. Лев лихорадочно затряс густой гривой и, смахнув увесистой лапой жгучую пыль с носа, так сильно чихнул, что из его пасти, будто мяч, выкатился клубок, который затормозил у ног собравшихся. Освоившись в пространстве, мокрый комок тщательно вылизал слипшуюся шёрстку. Каково было удивление присутствующих, когда неопрятное облезлое существо обратилось в симпатичного питомца.

– Вот тебе раз! Таких тварей я ещё не видывал, – новый хозяин радовался чудо-подарку, предполагая, чем тот сможет помочь команде на корабле.

Мокрая крыса распушилась и, лоснясь рыжей шерстью, грациозно прошла. Зверь походил на льва, только в разы меньше и без гривы. Человек нагнулся, погладил животное и взял на руки.

Глядя в лицо будущего хозяина, типа «лев» обнюхал ему область подмышек и, лизнув в нос, протяжно пропищал:

– Мяу-у!

– Пусть это будет кот! – уточнил бог.

Новый хозяин выпустил его с рук на пол.

Рыжик скакнул и погнался за грызуном, который прятался в укромном месте. Через полчаса, замученная котом крыса была повержена и валялась с распоротым брюхом у ног человека. От радости, человек поманил кота, нагнулся и погладил за отличную службу:

– Чудесно! Нам на корабль нужна дюжина таких котов, не меньше.

Владыка всех зверей поднял радужки к бровям, прикинул что к чему и вынес вердикт:

– Будут плодиться эти твари быстро, – в раз... – он щёлкнул пальцами. – Да будет так! – и ударил руку об руку.

Вот такая история приобретения котом – хозяина, а человеком – кота случилась на пороге возрождения кораблестроения.

С тех пор мы, – коты, ваши братья по крови. Живём рядом с человеком, довольствуемся малым, служим ему, охраняя жилище от посягательств грызунов. Сами себя прокор-

мим, если что и хозяину подарочек с рассветом на подушке оставим.

О Коврике можно почитать в сборнике – «Байки кота Коврика».

Говорят, под Новый год...

Лёля Фольшина

Лёля Фольшина



*Обложка создана при использовании ИИ Кандинский.
Правообладатель ПАО Сбербанк. Все права защищены.*

Он

Новый год встречать не хотелось. Пропало ощущение сказки, праздника, чего-то чудесного и радостного. И вроде, ничего особенного не произошло. Просто неожиданно пришло понимание, что праздник отменяется. Нет его у меня – праздника. Пусто внутри и холодно.

Да ещё погода как назло шептала – пойди и выпей – сверху сыпалась какая-то крупа, под ногами чавкала снежная жижа грязно-коричневого цвета, дул промозглый ветер, и хотелось как можно скорее добраться домой, укутаться в плед и выпить чего-нибудь горячительного, от чего станет тепло не только телу, но и душе. А она сейчас как никогда нуждалась в тепле и уюте. Я, конечно, закоренелый холостяк, вполне к этому привык и одиночеством абсолютно не тяготился, но в этом году меня очень сильно вдруг начали раздражать влюблённые парочки, целующиеся в подъезде, троллейбусах и на эскалаторе в метро. И вся эта предпраздничная мишура, счастливые лица, подарки... Я даже не пошёл на корпоратив, а закончив работу, отправился домой, намереваясь поужинать и лечь спать.

Вот, наконец, мой дом, подъезд. Подхожу к двери – на ступеньках сидит кто-то мелкий, взъерошенный и жалобно

мяучит.

– Ух ты ж, бедолага, это кто тебя в такую погоду на улицу выпустил?

В ответ – разрывающее сердце «мяяя-ууу».

Наклоняюсь – чёрный котёнок, нет, скорее кошка, вполне взрослая, только размером маленькая. А какие глаза... Плохо, ей, холодно, но смотрит так, словно одаривает, будто одолжение мне делает, позволяя о себе позаботиться... Поднимаю Леди на руки («ну как иначе назвать такую?») и захожу в подъезд. Лифт быстро поднимает нас на седьмой этаж.

Открываю дверь, прохожу в квартиру.

Скидываю ботинки, куртку, свитер (что не очень просто с кошкой в руках, хотя она и ведёт себя спокойно) и направляюсь в ванную. Оказавшись в мыльной пене под струями тёплой воды, моя гостья явно радуется этому («необычно для кошачьих!») и спокойно позволяет себя вымыть. Закутывая Леди в большое банное полотенце, смотрю в её глаза. Какие они все-таки говорящие, прямо человеческие – в них плещется женская мудрость, усталость, жажда тепла и любви, а потом на какой-то миг появляется лукавство. «Все, друг дорогой, у тебя крыша едет. От голода что ли галлюцинации начались или одиночество окончательно заело?» Кладу гостью на диван и иду в кухню.

Достаю из холодильника еду, а надо сказать, что я гурман – люблю поесть вкусно и сервировать это красиво. Через какое-то время на сервировочном столике появляется пара та-

релок с разными тостами, отдельно нарезаны овощи, почищены мандарины, в розетке – ломтики лимона, посыпанные сахаром. Ну и конечно – блюдо с молоком для Леди.

Уже в гостиной достаю из бара початую бутылку коньяка, бокал и уютно устраиваюсь в кресле. Блюде с молоком ставлю около котейки, но она, похоже, настолько устала от пережитых волнений, что даже не пытается высунуть нос из полотенца. Оттуда слышится мерное сопение. Ну и хорошо – пусть выспится.

Через какое-то время мой импровизированный ужин съеден. Выпит и коньяк. Пора, пожалуй, спать. Посмотрев на махровый кулёк, решаю забрать гостью с собой. Вскоре мы оба уютно утраиваемся в моей постели, и я засыпаю, почему-то видя во сне глаза Леди, – лукавые и смеющиеся...

Нежные женские руки обнимают меня за плечи, губы целуют лицо, шею, язык пробегается по моим губам, маленькие зубки прикусывают мочку уха, я откликаюсь на ласки, а потом перехватываю инициативу. «Какой удивительный сон и какой приятный, в самом деле новогодний», – мелькает мысль, и я окунаюсь в водоворот ощущений: ласкаю, целую, жадно вторгаюсь в податливую плоть и взлетаю к вершинам блаженства. «Ощущения очень явные и словно не во сне, но так бывает, когда долго спишь в одиночестве, это мы уже проходили». Мысль додумать не успеваю, проваливаюсь в сон.

Подремав немного, просыпаюсь с желанием попить воды

и покурить. Встаю, нашарив ногой тапочки и, накинув халат, выхожу на кухню. Открываю форточку, в лицо дует свежий ветерок, бросая хлопья снега. «Хорошо-то как». Вдыхаю полной грудью, тушу сигарету, подумав, лезу в холодильник за мандаринами – вдруг захотелось чего-то такого сладко-сочного-новогоднего. Возвращаюсь в постель и снова проваливаюсь в сон, в котором... продолжаю любовные игры. «Странно. Обычно один и тот же сон два раза за ночь не снится. А, впрочем, какая разница, если мне хорошо, да и ночь-то новогодняя...»

Утро наступает внезапно. У соседа сверху что-то или кто-то падает с диким грохотом, потом на полную катушку врубается музыка. И ладно бы, что-то приемлемое и приятное слуху, так нет, попса. Под рёв неизвестного мне исполнителя, уверяющего, что «зелёные лосины родят лосят», открываю глаза. Услужливая память тут же подсовывает картинки минувшей ночи. Осматриваюсь, чтобы увидеть ту, с кем мне было нереально хорошо, но... в постели я один. Только вот ощущения и воспоминания – удивительно реальны. Мало того, при ближайшем рассмотрении на теле обнаружился царапины, следы... ммм... поцелуев, да и в теле чувствовалась приятная расслабленность...

Встав, прошёлся по квартире – никого. Ни одной особи женского пола, только кошка на моей подушке. Спит себе и спит, правда, полотенце валяется где-то в стороне, а так, – где положил вчера, там моя Леди и обретается, уютно свер-

нувшись калачиком.

– Кис, кис, кис, – зову я, – доброе утро, красавица. – Моя гостья медленно приоткрывает один глаз, потом второй, лениво потягивается и так же лениво произносит: – ...мяу!

И столько всего в этом её «приветствии», что у меня аж мурашки по коже...

Подхожу, беру на руки (что мне милостиво позволяют), целую влажный кошачий нос, к моему лицу тянется пушистая лапка – гладит (удивительно приятные ощущения), мне навстречу распахиваются оба изумрудных глаза, и я тону в колдовском (женском, человеческом!!!) взгляде... Что происходит – наваждение? Приворот? Волшебство? Новогоднее чудо? Сейчас это не существенно, важно другое – уговорить Леди остаться. Со мной. Навсегда.

Она

Чудеса случаются,

Если верить в них.

В жизни все меняется

За какой-то миг

Кто сказал, что Новый год – праздник? Кто вообще при-

думал эти длинные каникулы? Вот сиди теперь в одиночестве, не зная, куда себя деть, да ещё это...

Нет, начиналось все просто великолепно, и за неделю до Нового года ничто не предвещало такого исхода событий. Да что там за неделю, ещё утром 31 декабря все было просто супер – новое платье, которое ей удивительно шло, туфли на шпильке, красивый новогодний маникюр с ёлочками и шариками, практически приготовленный стол – оставалось заправить салаты и поставить приборы. И проснулась она в отличном настроении, а вот дальше...

Дальше случилось «что такое не везёт, с чем его едят и как с ним бороться». Словно её кто-то сглазил или уходящий год решил сделать такой завершающий аккорд, чтобы она его век не забыла, не зря год-то 13-й. Чёртова дюжина.

Сначала позвонил курьер из магазина и сказал, что никак не сможет доставить заказ сегодня, – машина сломалась, вещь не привезли со склада, в общем, только после праздников, а это означало, что мужчина, на которого она возлагала, скажет так, какие-то надежды, останется без подарка. «Ну, не совсем без подарка, что-то она, конечно, купит, но не то, что задумывалось».

Выбегая из квартиры, она неудачно ступила на лестницу, зацепилась каблуком и упала, больно ударившись коленом. Тут же начал образовываться приличный синяк, то есть – «прощай, новое платье (синяк будет видно) и шпильки (нога нещадно болела)».

Потом вроде что-то начало вытанцовываться, во всяком случае подарок молодому человеку был куплен, – не совсем то, но близко, и она уже тихо радовалась, что чёрная полоса заканчивается, но – не тут-то было.

В салоне, куда она была записана на укладку, неожиданно отключили воду, а все остальные ближайšie уже закрылись по случаю Нового года. В случайно обнаруженной в торговом центре парикмахерской странного вида мальчик согласился причесать «мадам», но... он вообще не умел начёсывать, и хоть клятвенно уверял, что все и так будет великолепно держаться, когда она дошла до дома, причёска выглядела совсем не празднично. Правда, с помощью расчёски и фена ей удалось привести волосы в надлежащий вид, но все-таки смотрелось это совсем не так, как хотелось.

А дальше начали звонить друзья – один за другим – и под разными предлогами (она была уверена, что все предлоги выдуманные, ну не могло вот так одновременно у всех что-то случиться) отказываться от встречи Нового года в её компании.

В итоге к десяти вечера осталось только двое потенциальных гостей и кошка Маркиза, мирно дремавшая на батарее.

Накрыв на стол, она собралась переодеваться, но вдруг обнаружила, что в доме нет ни кусочка хлеба. Сама она его не ела, а вот гости... Быстро одевшись, выскочила в «придворный» магазинчик, который находился практически в соседнем подъезде. Не стала даже дверь запираť – лень было ис-

кать ключи, «кому нужна её квартира в такое время...»

Вернувшись домой, пошла переодеваться, и тут – новый звонок – молодой человек никак не может бросить в новогоднюю ночь свою маму, поэтому придет только утром первого января.

– Извини, первого меня не будет дома, я сама поеду к маме, у нас традиция собираться у нее всем вместе именно в этот день. Будут брат с женой и с детьми, папа придет со своим сыном. Так что я не смогу не пойти туда, – сообщила она в трубку как можно более ровным голосом, а, нажав на отбой, разрыдалась. – «Да что за день такой в самом деле. Все рушится». – И словно подтверждая это, телефон зазвонил снова, теперь уже городской.

– Кис, прости, я не смогу встретить Новый год у тебя, – и это лучшая и самая близкая подруга, – мой вдруг решил прийти мириться, сама понимаешь, я использую эту возможность. Думаю, вам и без меня будет весело.

– Да, конечно, удачи тебе, – она повесила трубку и замерла у зеркала. – «Что и говорить, год заканчивался офигенно, а начаться готов был ещё лучше.

Одна, в пустой квартире, с кошкой.

Как встретишь, так и проведёшь... Вот так она и будет весь будущий год вдвоём с Маркизой.

А, собственно, чем плохо-то? Маркиза умница, все понимает, и уж точно любит её и никогда не предаст».

– Кис, кис, кис, – позвала она, – Маркиза, хорошая моя,

иди сюда, – но никто не отозвался, да и на батарее кошки не было. – «Ладно, куда она денется, наверное, под диван заползла, – на своё любимое место», – подумала девушка и, подмигнув собственному отражению в зеркале, отправила на кухню.

– Маркиза, вредная девочка, не хочешь, не вылезай, но тогда тебе точно ни молочка, ни сметанки не обломится – один Вискас, даже колбаски не дам, – громко сказала она, доставая из холодильника салаты, тарелку с нарезкой и шампанское, – впрочем, вряд ли намереваясь привести угрозу в исполнение.

Где-то в районе половины двенадцатого она сидела за столом и провожала старый год. Шампанским. Сначала хотела налить себе чего-то другого, – жалко тратить на такой противный год, подстроивший ей под конец жуткую каверзу, вкуснейшее «Асти», но из спиртного дома нашёлся только коньяк, а понижать градус не годилось.

Речь президента закончена, бьют куранты. Она двенадцать раз чокается с бутылкой, отчего хрусталь звенит как-то странно, словно обиженно, потом практически залпом выпивает шампанское и со всего размаху бросает бокал об стену – на счастье.

После бутылки «Асти» двигаться было очень лениво, поэтому она решила, что уберёт все, как проснётся, и, сбросив с ног шпильки, которые все-таки надела, прошла в спальню. Платье растеклось по полу бледно-сиреневой лужицей,

следом отправилось белье, и вот она уже лежит в постели, и шёлк простыней приятно холодит тело.

«Как там у Скарлетт?..», – я подумаю об этом завтра? – последняя связная мысль, а дальше – сон. Потрясающий, волшебный, головокружительный во всех смыслах – с ласками и поцелуями, с удивительным мужчиной в её постели, причём все настолько явно, что она даже чувствовала, как колет его лёгкая небритость подушечки пальцев, и ощущения ей безумно нравились.

Утро началось внезапно и очень шумно. Опять соседи «ковали чего-то железного», и эта музыка на весь подъезд про зелёные лосины. «Как же они её достали».

Лениво встала и потопала под душ, попутно оглядев мисочки на кухне. «Не тронута. Странно. Неужели Маркиза так и не выползла из своего убежища?»

– Кис, кис, кис, хорошая моя девочка, вылезай, я соскучилась, – глас вопиющего в пустыне. Поиски тоже ни к чему не привели. Ни под кроватью, ни под диваном в гостиной, – Маркизы не было. «Странно. Не могла же она сквозь стену уйти. Дверь. Ну как же я не подумала, но Маркиза – кошка домашняя и редко выходит на улицу, тем более одна, не иначе – завершающая каверза уходящего года».

Накинув пальто, выскочила на улицу. У подъезда пусто и тихо. Звала, бегала по двору, забежала в «придворный», – Маркизы нигде не было, и никто её не видел.

Расстроенная, медленно поднималась по лестнице – год

начался, как и кончился – сломался лифт. Шла, не поднимая головы и чуть не плача от обиды, поэтому практически налетела на спускавшегося сверху парня.

– Извини, – посторонилась, чтобы пропустить, и остановилась, как вкопанная, – из его полурасстёгнутой куртки выглядывала мордочка Маркизы. – Это моя кошка.

– Это моя Леди, – отрезал парень и продолжил спускаться.

– Вообще-то её зовут Маркиза, и она моя, могу доказать.

– Неужели? – в голосе парня – нескрываемый сарказм, а у неё – смутное ощущение дежавю – он ей определённо знаком – руки, голос, едва заметная щетина на подбородке и щеках.

– Определённо, – «он имеет наглость сомневаться?» – она делает шаг к незнакомцу.

– Тогда почему она чуть не замёрзла ночью на ступеньках подъезда? – парень поворачивается к ней лицом.

– Я... не закрыла дверь, убегая в магазин.

В ответ – удивлённо поднятая бровь.

И вдруг неожиданно для себя самой она начинает говорить – о вчерашнем дне, всех свалившихся неудачах, парне, который не может оторваться от маминой юбки, обо всем. Он молча слушает, склонив голову набок – даже стоя на ступеньку ниже, все равно оказавшись выше неё, – а Маркиза выпускает лапу и гладит её по руке, словно успокаивая или подтверждая.

Закончив рассказ, она замолкает на пару секунд, а потом добавляет:

– У меня и фотки её есть, могу показать. – «Э-эй, остановись, что ты делаешь, это же совсем чужой человек», – возмущается умный человек внутри, но что-то подсказывает ей, что все правильно, и именно так и надо.

Она разворачивается и идёт к двери своей квартиры. Парень – следом.

Уютно устроившись на диване около журнального столика, они ели салаты, пили коньяк и разговаривали, перескакивая с одной темы на другую, а кошка возлежала на батарее, всем своим видом показывая, что её это совершенно не касается...

Счастье на кончике хвоста

Оксана Есипова



СЧАСТЬЕ НА КОНЧИКЕ
ХВОСТА

ОКСАНА ЕСИПОВА

Обложка создана при использовании ИИ из картинки PIXlbot с помощью – Канва. Все права защищены.

Людмила не знала, как сможет сегодня уснуть одна в квартире без Игоря. Как она вообще сможет в неё вернуться. И как жить дальше. На кладбище всё происходящее казалось сном, поминки в кафе прошли словно в тумане. Не верилось, что всё это происходит наяву. А возвращение в пустую квартиру с завешенными чёрным крепом зеркалами оставляло её один на один с ужасающей реальностью: мужа больше нет.

– Какая ерунда, – вспомнила она весёлый голос Игоря в тот день, когда они узнали о диагнозе, – я прекрасно себя чувствую. Не надо плакать, родная.

Это было всего полгода назад. Их прекрасная жизнь, наполненная планами на будущее, надеждами на повышение на работе, покупку новой просторной квартиры, а там и рождение малыша, перевернулась с ног на голову. Они больше не говорили «скорее бы отпуск», «надо подумать, где снять коттедж на лето», «скоро закончится Шенген, нужно снова оформлять». Отступили куда-то вдаль, потускнели и потеряли краски придурок-начальник, нерадивые коллеги, тщетность бытия. Освободившуюся пустоту заполнили запах лекарств, бесконечные консультации с профессорами, палаты частных клиник.

А когда стало ясно, что из этого не выбраться, Игорь ска-

зал:

– Я всё равно буду с тобой. Вот увидишь. Найду способ. Перестань всё время плакать. Помнишь, как говорила твоя мама? Ни один мужчина не достоин твоих слёз, а я всего лишь мужчина.

Он улыбался, но жена видела страх и тоску в его глазах. Людмила тоже хотела быть сильной. Ради него. Но слёзы продолжали наворачиваться на глаза помимо её воли.

– Да, а ещё говорила, что мужчину легко поменять. Думаешь, стоит попробовать? – она пыталась шутить, говорить ему в тон, но голос дрогнул на последней фразе. Подумала, что со стороны такой разговор у постели умирающего мог показаться кощунственным.

– Я передам твоей маме привет, – серьёзно ответил он, – уверен, она изменила мнение обо мне.

Мамы нет в живых уже более пяти лет, а вот теперь нет и Игоря. И ребёнка, которого они могли бы завести, если бы не стремились создать «подходящие условия». Вместо того, чтобы пойти домой, Людмила свернула в парк, хотя было уже около девяти вечера, и стояла промозглая ноябрьская погода. Тускло светили фонари, неприятно ассоциируясь с загробной жизнью. Тени от деревьев колыхались, из глубины парка доносились шорохи и странные звуки. Людмилу хватило минут на пятнадцать, после чего она решительно повернула к дому.

Чтобы ещё немного оттянуть момент, когда она зайдёт в

ставшую незнакомой квартиру, решила пойти навверх пешком, игнорируя лифт. Всего-то подняться на седьмой этаж. Девушка шла, погруженная в своё горе, и едва не наступила на него.

Котёнок лежал посередине лестничной площадки. Грязный, худой и невероятно крошечный. Он не мяукал, глаза прикрыты серой плёнкой. Взяв малыша на руки, девушка убедилась, что он живой и наконец-то поспешила в квартиру.

Всю ночь Людмила провозилась с котёнком. Отмыла и высушила его нежную шерстку, поила из пипетки, потому что малыш ещё не умел пить самостоятельно. Положила с собой в кровать под предлогом, что малышу страшно и плохо, а на самом деле потому что страшно и плохо было ей. Но котик всё время просыпался и жалобно мяукал. Наконец-то девушка догадалась залезть в интернет и с удивлением узнала, что котёнка, как и ребёнка, нужно кормить по часам, несколько раз за ночь. Ночь получилась бессонной, но зато Людмила отвлеклась от мрачных мыслей. Рядом с ней было существо, которое нуждалось в её заботе. И по дому работы прибавилось. Постельное бельё пришлось срочно отправить в стирку.

Как же его назвать? – спохватилась девушка утром. Ей очень хотелось назвать котёнка Игорем, но это казалось неправильным, хотя она сама не могла понять, почему. Пусть будет Рикки, – решила Людмила. Но внутри себя девушка

звала малыша именем любимого.

Рикки оказался совершенно здоровым котёнком, хорошо кушал и быстро рос. Любил играть и нежно мурлыкать на коленях. Теперь девушка бежала с работы домой, потому что дома её ждал Рикки. Он засыпал, сворачиваясь у неё в ногах.

Но однажды Людмила проснулась от ощущения пристального взгляда и чужого присутствия. Девушка физически чувствовала, что в комнате она не одна. Рука быстро потянулась к лампе, стоявшей рядом на тумбочке. Рядом с ней на постели сидел Рикки и смотрел на неё серьёзным, совершенно не кошачьим взглядом. Наваждение продлилось одно мгновение. Котик потянулся, замурчал и свернулся клубочком под боком у хозяйки. А Людмила ещё долго лежала без сна, глядя широко открытыми глазами в темноту перед собой.

«Я всё равно буду с тобой. Вот увидишь. Найду способ», – вспомнила она.

Странно, что котёнок нашёлся сразу после смерти Игоря. Как малыш попал в закрытый подъезд, да ещё и на площадку между шестым и седьмым этажом? Соседей Людмила хорошо знала, никто из них не был способен выкинуть котика, да и взять его им было неоткуда. Совпадение – в конце концов решила девушка.

Хотя Людмила не признавалась в этом самой себе, Рикки помог пережить труднейшее время в её жизни. Когда умерла мама, рядом был Игорь. А вот когда ушёл Игорь, рядом не оказалось никого. Конечно, у девушки были и подруги,

и родственники, многие из них предлагали помощь, приглашали в гости. Подруги наперебой просили не стесняться и звонить, если что-то понадобится. Но у каждой была своя жизнь. Семья, дети, а у тех, у кого не было семьи – карьера и попытки наладить личную жизнь.

Да и что могло понадобиться? Продукты и лекарства можно заказать через интернет, да Людмила и не больна. В её жизни уже случилось самое страшное. Не могла же она позвонить по телефону ночью подругам, просто потому что ей страшно, и она не может уснуть? А Рикки – тёплый, нежный, ласковый – всегда был рядом. Он не мог сказать слов утешения, но так внимательно слушал, свернувшись клубочком на коленях.

Время лечит? Во всяком случае, затягивает раны. Прошёл год, Людмила справила поминки. В груди уже не зияла открытая кровоточащая рана. Скорее, постоянное чувство боли и потери настолько срослось с ней, что она привыкла жить в таком состоянии. Так люди с хроническими болезнями привыкают к постоянным болям. Например, хроническому напряжению в спине.

Девушка решила найти себе новые увлечения. Это было не так просто, и для начала она начала ходить в театры, музеи и на выставки. Подруги, которые советовали зарегистрироваться на сайте знакомств и уже наконец-то познакомиться с кем-нибудь («не хорони себя заживо»), только пожимали плечами. Всем известно, что в театрах и музеях пару не най-

ти, туда ходят, в основном, одни женщины. Но Людмила не хотела знакомиться. Это казалось ей противоестественным. Не то чтобы она хотела всю оставшуюся жизнь прожить в одиночестве, но именно искусственно искать спутника жизни, выставляя себя на сайте на витрину как товар, представлялось ей отвратительной затеей.

Но, как известно, у высших сил свои планы, которыми они не считают нужным делиться с простыми смертными. В Большом театре на опере «Травиата» в антракте к ней подошёл приятный мужчина и попросил сфотографировать его у белого рояля. Людмила сделала несколько снимков, протянула мужчине его телефон и собралась уйти, но он предложил, в свою очередь, оказать ответную любезность. И тут девушка со стыдом поняла, что у неё в телефоне закончилось место. Вся память была забита фотографиями и видео с Рикки.

Смутившись, она пробормотала:

– Спасибо, не нужно.

Но театрал оказался внимательным и настойчивым, с улыбкой предположив:

– Место закончилось?

– Да, – совсем растерявшись, не смогла соврать Людмила.

– Давайте я сфотографирую на свой телефон, а потом перешлю фото на почту? – легко предложил он.

Они обменялись контактами. После спектакля девушке поступил звонок в мессенджере:

– Можно Вас проводить? – улыбался на видеосвязи незнакомец.

Так неожиданно у Людмилы появились новые отношения. Пара никуда не спешила. Андрей, так звали нового знакомого, приглашал девушку в кино и рестораны, на прогулки, старомодно провожал до дома, но неизменно отказывался подняться к ней в квартиру. Благодаря неторопливым ухаживаниям девушка оттаяла и в свою очередь привязалась к интересному мужчине. Через полгода свиданий Андрей признался Людмиле в любви.

Они целовались у подъезда. Расставаться, даже на несколько часов, обоим не хотелось.

– Может, всё-таки поднимешься? – спросила девушка.

Андрей кивнул. Пара провела волшебную ночь вместе. И только утром Людмила заметила, что Рикки исчез. Его не было в квартире, миска стояла нетронутой. Окна были плотно закрыты. Кот домашний, девушка не выпускала Рикки на улицу. Все выходные вместе с Андреем девушка прочёсывала окрестности. Опросила всех соседей. Никто не видел котика. В отчаянье Людмила напечатала и расклеила объявления о пропаже кота, предложив хорошее вознаграждение.

Но звонков не поступало. Девушка заснула под утро вся в слезах. В эту ночь ей впервые после смерти приснился Игорь. Он стоял в прекрасном белом саду. Людмила не могла рассмотреть, то ли это цветущие весенние деревья, то ли они покрыты белым снегом. На руках у Игоря сидел Рикки. Оба

выглядели довольными.

– Ты всё сделала правильно, – тихо произнёс Игорь и сделал шаг назад, постепенно удаляясь от Людмилы, – будь счастлива. А мне пора.

Девушка во сне не могла вымолвить ни слова, горло сковало. Она протянула руки к любимому мужу, но он всё удалялся, пока не стал совсем крошечным. Налетел ветер и с деревьев вихрем облетели то ли белые цветы, то ли снег. Людмила проснулась.

Утром пришёл Андрей.

– Давай дадим платные объявления о пропаже котёнка? Может, в местные телеграмм каналы или группы ВК? – заботливо предложил он.

– Спасибо, не надо. Рикки не найти.

– Почему ты так уверена?

– Я просто знаю.

Андрей помолчал, а потом притянул к себе девушку и философски заметил:

– Как бы жестоко это ни звучало, но твой чёрный период закончился. Ты ведь была несчастлива всё это время после смерти мужа. И одинока. Может, это знак?

– Я не была одинокой, – едва слышно сказала Людмила, – и была счастлива. Просто это счастье было... на кончике хвоста.

Коротко о творчестве авторов:

Лами Данибур

Лами Данибур – русская Шахерезада, практик осознанных снов, автор романа «Большая игра».



Магазин электронных книг ЛитРес:

<https://www.litres.ru/lami-danibur/>

«Большая игра» – пятитомник. Мистический роман о духовных поисках смысла жизни, осознанных снах и влиянии социума на личность.

«Грёзы берёзы», «В поисках зелёной звезды», – детские сказки.

«Душнила» – новогодняя сказка для взрослых.

«108 способов вычислить пробуждённого, или определить, что проснулся сам», «108 способов вычислить спящего, или определить, что уснул сам» – тесты на реальность.

«А был ли Вася?» – юмористический рассказ

«Право на любовь» – реалистичный рассказ

«Летта», «Я виноват» – рассказы, вошедшие в сборник «Однажды детство кончилось»

«Аскеза», «Ментальная диарея» – статьи

Соцсети:

ВК

https://vk.com/lami_danibur

Сергей Валерьевич Мельников

О себе:

Не был, не участвовал, не публиковался, не побеждал.

Пылесосы и мобилки починяет. Больше сказать нечего.



Магазин электронных книг ЛитРес:

<https://www.litres.ru/author/sergey-valerevich-melnikov/>

«Медленный ад» – городское фэнтези

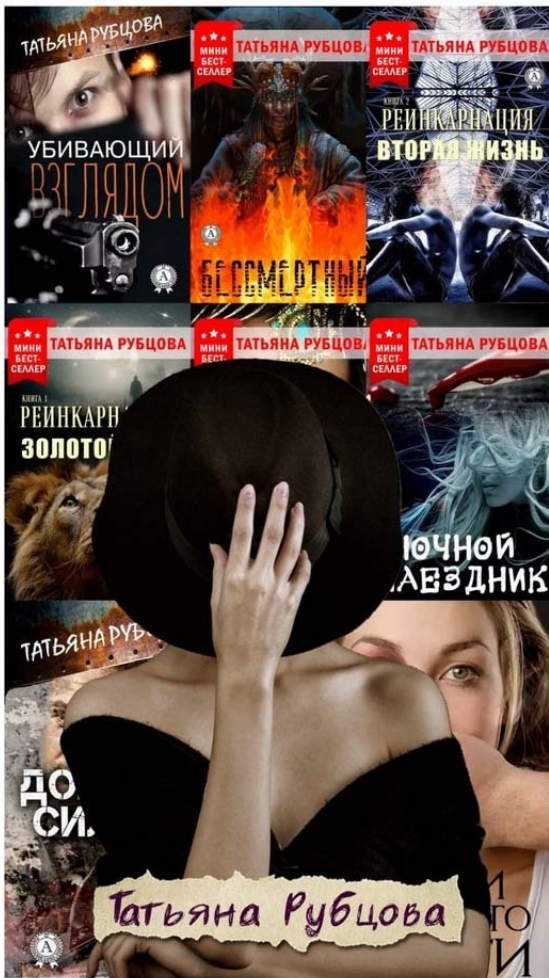
«Сдохни, Борзов!» – антиутопичный медицинский трил-

лер

"Ковчег «Гроот Зимбабве»" – космический вестерн

Татьяна Рубцова

Татьяна Александровна Рубцова родилась в Узбекистане, в городе Фергана в 1966 году. С 2016 года сотрудничает с издательством Strelbooks, которое выпустило четыре её романа. Работает преимущественно в жанрах боевика и триллера, прибегая иногда к фэнтези и мистике. Заметное влияние на её творчество оказали Стивен Кинг, Роджер Желязны и Джеймс Чейз.



ТАТЬЯНА РУБЦОВА

МИНИ
BEST
SELLER

ТАТЬЯНА РУБЦОВА

МИНИ
BEST
SELLER

ТАТЬЯНА РУБЦОВА

УБИВАЮЩИЙ
ВЗГЛЯДОМ

БЕССМЕРТНЫЙ

РЕИНКАРНАЦИЯ
ВТОРОЯ ЖИЗНЬ

МИНИ
BEST
SELLER

ТАТЬЯНА РУБЦОВА

МИНИ
BEST
SELLER

ТАТЬЯНА РУБЦОВА

МИНИ
BEST
SELLER

ТАТЬЯНА РУБЦОВА

КНИГА 1
РЕИНКАРНАЦИЯ
ЗОЛОТО

ЛЕДЯНОЙ
ЛЕЗВИЕЦ

ТАТЬЯНА РУБЦОВА

ДО
СИХ
ПОР

Татьяна Рубцова

1
ГО
И

Магазин электронных книг ЛитРес:

<https://www.litres.ru/author/tatyana-aleksandrovna-rubcova/>

«Поиски пропавшего без вести»

«Добрые и сильные»

«Убивающий взглядом»

«Черные апостолы»

Галина Вайпер

Литературный псевдонимом Галины Кононовой.

Галины Вайпер пишет в жанрах фантастика и фэнтези, а Лина Корина – нонфикшн.

О себе:

Писать я начала давно, ещё в 90-е, исключительно ради заработка. Это были детские книжки прикладного характера типа платьев для Барби и прочее. Потом появились взрослые книги про комнатные растения и выпечку.

Однажды мой племянник, глянув на фотку на задней обложке очередной книги, коварно заявил: «Ты способна на большее».

Я глубоко задумалась и долго размышляла, правда ли, что способна на большее, и если да, то что мне хочется писать, в каком жанре работать? Ответ на этот вопрос лежал на поверхности. К тому времени я перечитала практически всю интересную фантастику, больше ничего под руку почитать не попадалось, и что мне оставалось делать? Только писать самой старую добрую американскую фантастику. С тех пор и пишу.



Магазин электронных книг ЛитРес:

<https://www.litres.ru/author/galina-vayper/>

«Синяя звезда» – фантастический роман

«Зелёная душа Эркейда Кримзона» – фантастический роман

«Пожиратель звёзд» – фантастический роман

«Ловушка для дураков» – сборник фантастических рассказов

«Психи» – фантастический роман

«Кларенс, принц удачи» – роман, фэнтези

Лина Корина

<https://www.litres.ru/author/lina-korina/>

«Суперстарость» – нонфикшн

Обложку рисовала художница Наталья Кононова (konvinsky).

Соцсети:

ВК

<https://vk.com/shalashnik> и <https://vk.com/club210628697>

Лёля Фольшина

Литературный псевдонимом Алёны Ульяновой.

Киновед, журналист. Закончила сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Работала редактором в кинопериодике на киностудии «Центрнаучфильм», редактором в издательстве «Лепта-Книга», журналистом и редактором в издательстве Московской Патриархии, в телекомпании «Сокол 21 век». Автор более 200 статей по кино в периодической печати, редактор и составитель каталогов ряда Международных кинофестивалей, автор и редактор книг публицистики и прозы, колумнист сайта «Mos News», редактор неигровых фильмов. Член Союза кинематографистов России, член Правления Гильдии киноведов и кинокритиков СК РФ, член жюри нескольких российских и Международных кинофестивалей, в том числе XXXIII Открытого фестиваля документального кино «Россия» (Екатеринбург).

В 2020–2021 гг. в издательстве «У Никитских ворот» вышло две книги исторической прозы о Российской империи «За кремовыми шторами».



Магазин электронных книг ЛитРес:

<https://www.litres.ru/author/lelya-folshina/>

Соцсети:

ВК

https://vk.com/ljolja_folschina

Таня Стар

Литературный псевдоним Левчени Татьяны Николаевны.

Член объединения «Ветеран» г. Могилев РБ.

Участвовала в сборнике «Память сердца», созданного Литобъединением «Ветеран» при Могилёвском городском совете ветеранов, во многих конкурсах от издательства ЛитРес Самиздат. Издаётся на других площадках: Ридеро, Литмаркет, ЛитРес Самиздат, Мультимедийное издательство Стрельбицкого, Smashword.

Экспериментировала я с различными жанрами, – от детских познавательных рассказов, детективов до фантастики, писала в соавторстве с Татьяной Рубцовой. С Левченей Артёмом разрабатывала сюжетную линию трилогии «Настоящие».



Магазин электронных книг ЛитРес:

<https://www.litres.ru/tanya-star/>

«Необыкновенные приключения Кенди-Ненси и Пель-мешки» – серия детских книг

«За жемчугом», книга 1

«Вампиры», книга, 2

«Пасть дракона», книга 3

«Каменная сказка», книга 4

«Фатум» – дилогия, хоррор, криминал

«Голод», часть 1

«Расплата», часть 2

«Превращаясь в бога» – трилогия, фантастика с элементами фэнтези

«Настоящие», часть 1

«Delete», часть 2

«Начало», часть 3

«Байки кота Коврика» – серия юмористических рассказов о котах

«Как сыр в масле...», книга 1

«Как это, – быть под мухой?», книга 2

«Кома» – дилогия, современный роман о любви

«За гранью», часть 1

«На крыльях страсти», часть 2

«Хозяин чёрного Бентли» – роман о чёрных риелторах.

Соцсети:

ВК

<https://vk.com/club140111508>

ФБ

<https://www.facebook.com/TaniaStar1>

IN

<https://www.linkedin.com/in/таня-стар-485582131/?>

[trk=nav_responsive_tab_profile](#)

Твиттер

<https://twitter.com>

ОК

<https://ok.ru>

Лайвлиб

https://www.livelib.ru/reader/Книжная_polka?

[from=usermenu](#)

Макспарк

<https://maxpark.com/user/4295060958>

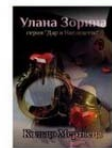
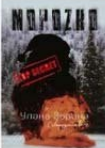
Улана Зорина

Литературный псевдонимом Юлии Горлатовой.

Улана Зорина прозаик и поэт. Член литературного клуба «Творчество и потенциал» Автор серии «Дар в Наследство» и множества других мистических рассказов. Книга «Игрушка в руках Лоа» прошла в Лонг Всероссийской Премии Электронная Буква. Рассказ «Морозко» прошёл в шорт-лист страшных историй на ЛитРес. Книги печатаются в издательстве Руграм и Автограф. В бумаге можно приобрести на площадках Озон, Wildberries. В цифровом формате, на ЛитРес, Литмаркет, Букривер, Ридеро, Уютный книжный и многих других площадках электронных книг.



Улана Зорина



Другие книги автора:



Магазин электронных книг ЛитРес:

<https://www.litres.ru/author/ulana-zorina-27042343/>

Элеонора Гранде

Элеонора Гранде – литературный псевдоним Элеоноры Вячеславовны Прониной, современной российской поэтессы, писателя, члена Российского союза писателей.

По образованию инженер-экономист и мама двух замечательных сыновей. Более 30 лет работала в сфере управления и экономики крупными предприятиями. Но любовь к литературе, чтению и путешествиям вылилась в желание делиться мыслями, образами на страницах своих произведений.

Произведения публиковались в «Каталоге современной литературы» и альманахах Российского союза писателей. С 2021 по 2023 годы является одним из авторов «Антологии русской поэзии», в 2023 году – альманаха «Наследие» и «Антологии «Поэты – Героям».

Роман «Даргорья», написанный в поджанре фолк-фэнтези с элементами сюрреализма, вошёл в лонг-лист XXIV Общенациональной литературной премии им. П. П. Бажова и лонг-лист литературной премии «Электронная буква – 2022».

Детское фэнтези «Сказки снежных гор» раскрывает тему любви к Родине и важность сохранения традиций. Книга вошла в шорт-лист конкурса «Современный теремок».

Сборник «Дед, расскажи мне о войне», составленный из стихов автора и рассказов младшего сына Александра Про-

нина, в электронном и аудио форматах распространяется без оплаты. Чтобы знали люди, чтобы помнили о героях.

Награждена медалями: «Просветители Кирилл и Мефодий», «Фёдор Достоевский 200 лет», «Николай Некрасов 200 лет», «Максим Горький 155 лет», «Марина Цветаева 130 лет», «Сергей Есенин 125 лет».



В магазине электронных книг ЛитРес можно скачать:
Роман «Даргорья»
Детское фэнтези «Сказки снежных гор»

Сборник «Дед, расскажи мне о войне»

Романтическая история «Коловорот и Новый год»:

Фантастический рассказ «Z-300»

Рассказ «Котик по кличке Котик»

Рассказ «Мурка»

Картинка для обложки рассказа «Мурка» взята с сайта Desygnr.com бесплатно, разрешена для использования в коммерческих целях

Соцсети автора:

VK: <https://vk.com/elenpronina>

LiveLib: <https://www.livelib.ru/reader/etour888>

YouTube: <https://www.youtube.com/user/ElenPronina>

Стихи.ру: <https://stihi.ru/avtor/eleonoragrande>

Дин Спейс

Дин Спейс – литературный псевдоним Алексея Нидзельского.

Пишу с 90-х годов, начинал со сказок, изданы в виде сборника на ЛитРес под моим именем. Также писал стихи, тогда же написал первый свой фантастический рассказ «Особенность».

Далее был перерыв в прозе, приходили только стихи, причём религиозного содержания.

Но пару лет назад, когда тьма над жизнью сгустилась, якобы случайно наткнулся на рекламу курсов Ирины Гусинской. В тот же миг меня посетила чёткая мысль, каким будет сюжет нового романа, причём дилогии.

Я очень уважаю творчество многих фантастов, но особенно запал в душу роман-дилогия «Дом скитальцев» Александра Мирера. Таким же я увидел построение и своего романа. Первая часть была написана как приключения инопланетянина, причём рассказанная от первого (sic!) лица этого существа, а вторая задумана, как научпоп с приключениями, пара глав написана, но дело движется медленно, отвлекаюсь.

За два года я не спеша написал около десятка рассказов, повесть «Токи Земли». И был написан, помню, один совсем уж хулиганский по форме рассказик «Погоня».

В данный сборник вошёл рассказ «Майка», про робо-

та-собаку (большой привет всем любителям Рэсси), но сюжет более, я бы сказал, печальный. Если помните социальную фантастику 60-80-х, предупреждающую человечество о возможных бедах, что сейчас вернулись к нам с новой силой.



Мои странички на Литрес:

<https://www.litres.ru/author/din-speys/>

<https://www.litres.ru/author/aleksey-nidzelskiy/>

Оксана Есипова

Писатель и блогер. О себе: «Я не волшебник, я только учусь».

Оксана Есипова



Открыть за две минуты до послонуття

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

женить взрослые ми



ОКСАНА ЕСИПОВА

Оксана Есипова



Не собери себе инкуба

Пришло время разобраться со своими желаниями

ЕСИПОВА

Оксана Есипова



Отдайте вашего мужа

Оксана Есипова



КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ
DESINE SPERARE QUI NIC
INTRAS

Оксана Есипова



ОКСАНА ЕСИПОВА
ШОКОЛАДНЫЙ ГНОМ



Старый вагон

Книги на ЛитРес:

Коллекционеры

Не сотвори себе инкуба

Шоколадный гномик

Открыть за две минуты до полнолуния

О чём мне не успел рассказать дождь. Сборник мистических рассказов

Роман после смерти. Истории ангелов. Сборник мистических рассказов

Песочные часы

Отдайте вашего мужа

Пятьдесят снежинок

Старый вагон

Опасная связь

Что будет, если заменить любимых инкубами. Сборник

Дар

Наваждение

Страница на ЛитРес

<https://www.litres.ru/author/oksana-esipova/>

Литературные Дзен каналы:

По ту сторону волшебства https://dzen.ru/mag_cat

По ту сторону книги <https://dzen.ru/knig>

По ту сторону пера <https://dzen.ru/pera>

Соцсети:

ТГ

По ту сторону волшебства: https://t.me/mag_cat

ВК

Группа: По ту сторону волшебства https://vk.com/dzen_mag

ОК

Группа: По ту сторону волшебства <https://ok.ru/magcat>

Вы можете отблагодарить авторов донатами. Используя ссылку на их страницу издательства ЛитРес Самиздат, можно приобрести любое произведение писателя.

Выражаем благодарность всем авторам за участие в создании сборника «Родственные души», за идею – Тане Стар, за обложку сборника – Лами Данибур, за арты – Сергею Валерьевичу Мельникову и Левчене Михаилу Александровичу, за корректуру – Левчене Татьяне Николаевне.